Маргарита Преображенская

Русский ВИТЯзь прямо не ходит

Маргарита Преображенская

Русский ВИТЯзь прямо не ходит

«Автор»
2024

Преображенская М.

Русский ВИТЯзь прямо не ходит / М. Преображенская — «Автор», 2024

«Ох, ты гой еси, красна девица!» Думаете, сказка так начинается? А вот и нет! Расследование! Какое? В этом ещё предстоит разобраться студентке физфака Александре Козырь, получившей неожиданное наследство, а с ним – говорящий сундук, верстовой камень и странного парня в придачу. К чему бы это?

© Преображенская М., 2024
© Автор, 2024

Содержание

ГЛАВА I. О студенческом царстве и наследном мытарстве 5
ГЛАВА II. О лесных заброшках и торчащих рожках 20
ГЛАВА III. О мече-кладенце и вредном лице 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Маргарита Преображенская
Русский ВИТЯзь прямо не ходит

ГЛАВА I. О студенческом царстве и наследном мытарстве

Александра стремительно мчалась по аллее к корпусу физфака. Её свежевыкрашенные в изумительный фиолетовый цвет волосы живописно развевались на ветру, а сумка, небрежно свисавшая до бедра, подпрыгивала в такт торопливым шагам. Надежда успеть к первой паре таяла на глазах. А нечего накануне засиживаться в лаборатории до темна! Александра корила себя за это каждое утро, когда она, героически воскресая после трёхчасового беспокойного сна, уныло плелась в ванную на съёмной квартире, чтобы принять ледяной душ и снова действовать, действовать, действовать. Проходя мимо здания биологического факультета, она заметила толпу студентов-первокурсников (преимущественно, конечно, первокурсниц), слушавших заливистые трели главного ловеласа всея университета – Сеньки Нерайского (вообще, его полное имя было Авксентий, но об этой шутке родителей он чаще всего предпочитал деликатно умалчивать).

– Студентов, коллеги, можно газделить на несколько г-г-гъюпп, пговодя пагаллели с иными классификациями пгедставителей цагства животных! – авторитетно вещал он, один в один копируя манеру декана его факультета, катастрофически не выговаривавшего звук «р», за что и схлопотавшего кличку «мямля».

Девушки буквально заглядывали Сеньке в рот, что, в общем-то, не удивляло, если учесть яркую внешность «лектора». Высокий, широкоплечий, жгучий брюнет, он приковывал к себе взоры, даже если его медовые уста были сомкнуты в презрительной улыбочке баловня судьбы. Александра рассеянно скользнула по нему взглядом, но её мысли были далеко. Из головы не выходило странное послание, которое кто-то оставил под дверью съёмной квартиры. Александре сначала показалось, что это шалости её однокашников. Кто же ещё мог подбросить студентке физфака свиток пергамента с вислой восковой печатью и неразборчивыми буквами на ней? Но, взяв свиток у руки, Александра не могла отделаться от ощущения прикосновения к чему-то невозможно древнему и загадочному, ломающему все научные постулаты, чтобы побудить создать новые. Печать с загадочным знаком на аверсе, похожим на иероглиф или каббалистический символ, оказалась неожиданно крепкой, да и читать послание было некогда, поэтому она быстро затолкала свиток в сумку и помчалась в университет.

– Так вот среди особей, встречающихся в стенах нашей прославленной alma mater, можно заметить «зубров» – они, как правило, отличаются низким интеллектом, чьё отсутствие компенсируется каменным седалищем, необходимым для терпеливого заучивания… – Из-за рассеявшегося внимания уже не картавивший Сенька, как бы невзначай, бросил взгляд на проходившую мимо не идентифицированную фиолетововласую «особь», словно прикидывая, в какое место классификации следует отнести её, и продолжал, увеличив громкость и показную важность:

– … «быков» (в женском воплощении именуемых «тёлками»), то есть студентов со связями, быкующих по поводу и без с преподавателями, «баранов» (женские особи – «овцы»), которые на все темы смотрят, как на новые ворота, и постоянно косячат, за что и бывают быстро отчислены на первом курсе, «серых мышей» – невзрачных, бездарных, но исполнительных и самых многочисленных представителей класса студентообразных и…

Сенька сделал мхатовскую паузу, обозрев довольным взглядом внимавшую ему аудиторию, и, легонько подбросив игральные кости, которые постоянно носил с собой, добавил с лёгким поклоном:

– … «драконов» – редко встречающихся башковитых ребят, которые могут мыслить за троих, соображать на троих и вообще в любых делах просто огонь! Так вот…

Окончание «лекции» в исполнении Змея Горыныча-Сеньки Александра не дослушала, промчавшись мимо, как фиолетовая комета. На такие уловки и типажи она не клевала, потому что её мозг вечно был занят обдумыванием всякой недевичьей ерунды, типа конструкций вечных двигателей и рассуждений о природе тёмной материи Вселенной. Не до любви!

– Але! Ксандра! – крикнули ей вслед, когда она на полной скорости влетела в корпус физфака, но этот окрик остался без ответа, ибо вынужденный простой с неожиданным собеседником, ещё больше усугубил бы ситуацию с опозданием.

– Ты чё это не отвечаешь?! Головокружение от успехов? – тоже опаздывавший одногруппник догнал её почти у самого входа в аудиторию.

– Тсс! – цыкнула на него Александра и, осторожно приоткрыв дверь, воровато заглянула в щёлку.

Семинар по математическому анализу был в разгаре, а лектор – в ударе, что не сулило ничего хорошего.

– И вот тогда Гильберт, недолго думая, взял напрокат скафандр, сел в ракету и полетел в космос, где и открыл Гильбертово пространство! – монотонно произносил он, рисуя на доске бесформенную амёбу с точками внутри и головастого человечка, буравящего эту сущность насквозь.

Часть аудитории уже сморил сон, а другая, значительно менее многочисленная её часть, вяло конспектировала.

– Кто успел записать? – коварно спросил лектор.

– Я! Я всё записала! Мария Дубина! С ударением на первый слог! – привстав с места в первом ряду, гордо воскликнула главная отличница потока, желая «засветиться» перед новым преподавателем, а Александра невольно вспомнила о «зубрах» из классификации Сеньки.

– Ну-с, – взглянув на неё поверх узких очков, придававших его красивому лицу неприятное хищное выражение, с плотоядной улыбкой сказал лектор. – Заявляю вам, Мария Дубина: вы дубИна… с ударением! Надо записывать обдуманно! Вы разве не поняли, что это шутка? В конце концов, у нас семинар по математическому анализу, а не досужие сплетни по истории космических полётов, значит, логично предположить, что Гильберт – это математик, а Гильбертово пространство не имеет отношения к космосу!

От досады красная, как свёкла, Мария, замерла на месте, а Александре пришлось закрыть дверь, чтобы не привлекать к себе внимание. Новый преподаватель матанализа уже успел прослыть строгим и злопамятным типом, да и момент для входа был явно неподходящий. В голове крутились всякие отмазки, которыми можно было бы объяснить своё очередное опоздание, когда дверь неожиданно отворилась и прямо у неё перед носом возник лектор – высокий худощавый тип с внешностью утончённого интеллигента.

– А кто это мне тут семафорит фиолетовым? И о чём? – ядовито спросил он, уставившись на Александру осуждающим взглядом холодных голубых глаз (одногруппника к тому времени уже и след простыл!).

Внешность студентов, обычно, не подвергалась критике, но ортодоксально старомодная часть массы преподавателей относилась к Александре с долей осуждения, глядя на цвет её волос, образующих асимметричное каре, и наряды в стиле осовремененных готических Лолит. Лектор, несмотря на относительно молодой возраст (лет тридцать на вид), был как раз из этой категории лиц, а к Александре так и вовсе дышал неровно, оценивая её с максимальной предвзятостью. На лекциях и практике он стабильно останавливался у неё за спиной, словно именно

эта студентка была его единственной слушательницей, а на зачётах всякий раз пытался завалить каверзными вопросами, правда безуспешно. Александра уставилась на его бейдж с надписью: «Л.П. Баэль, кандидат физико-математических наук», опасаясь поднять взгляд.

Ссориться этим человеком, известным на весь университет своей педантичностью и зашкаливающей неприязнью к опоздавшим (а к опоздавшим девушкам особенно) было самоубийством, поэтому Александра молчала, надеясь на какой-нибудь физический феномен в виде, например, свободного падения гипотетического кирпича, свалившегося на голову лектору и совершившего тем самым полезную работу, как вдруг с противоположной стороны коридора донеслось зычное и добродушное:

– А я как раз иду к вам, Лаврентий Павлович, чтобы забрать Александру с вашего семинара! Нам надо подготовиться к выступлению!

Александра вздохнула с облегчением и радостно взглянула в конец коридора, откуда к ним приближался могучий, приземистый и немного угловатый мужчина – проректор университета и преподаватель квантовой физики Михаил Евгеньевич Лохматый.

– Хотите зайти с козырей на международной конференции? – насмешливо спросил его лектор, скользнув сосредоточенным взглядом по фиолетовой шевелюре опоздавшей студентки. – Не смею препятствовать!

Это замечание имело двойной смысл, потому что фамилия у Александры была Козырь, и над этим не шутил только ленивый.

– Спасибо, Михал Потапыч! – с чувством сказала Александра, поздно спохватившись, что невольно назвала проректора той кличкой, которую ему дали неугомонные студенты. – То есть я хотела сказать…

Проректор сделал вид, что ничего не услышал, спрятав сдержанную улыбку в густой бороде. Внешне он, и правда, напоминал, медведя – сильного, добродушного и никогда не оказывавшего медвежьих услуг, что очень ценили студенты.

– Судя по рассказам сторожа, вы вступили в общество анонимных трудоголиков, – шутливо заметил проректор, пока они вдвоём шли по пустому коридору к лаборатории линейно-оптических квантовых вычислений. – В юности кажется, что здоровье бесконечно, и его можно тратить сколь угодно долго, на самом деле это не так.

– Просто надо было проверить одно предположение, – пробормотала Александра. – А дома у меня нет таких условий, какие можно создать здесь.

– Я так понимаю, что ваши исследования зашли гораздо дальше той темы научной работы, которую я вам предложил? – предположил проректор, плотно закрыв дверь лаборатории.

– Да, – призналась Александра. – Но мне нужно ещё немного времени, чтобы удостовериться. Ещё один вечер, и я расскажу вам обо всём.

– Хорошо, – усмехнулся проректор, с интересом взглянув на неё. – А какую же роль во всём этом играет бродячий кот, которого я обнаружил сегодня утром в этом прибежище научной мысли?

– Главную! – ошарашила ответом Александра.

– Так…– пробормотал проректор себе под нос. – Интересно.

Никому другому он не позволил бы ничего подобного, но в Александре обнаружилось то главное, что он особенно ценил в людях – талант и увлечённость. Михаил Евгеньевич узнавал в ней себя. В её годы он тоже самозабвенно конструировал вечные двигатели и искал металлический водород. Молодость имела одно важное качество: в это время все препятствия казались преодолимыми, а идеи не отягощались лишним знанием о проблемах и отсутствии возможностей. Что ж, кот так кот! Пусть будет! Только вот что она задумала?

В этот день Александра засиделась в лаборатории просто непозволительно долго вместе со своим пушистым ассистентом. Кот – серебристо белый мейн-кун – чудесным образом про-

брался сюда дня три-четыре назад (наверное, случайно забежал в корпус и прятался от сторожа). Этого шерстяного партизана никто бы и не заметил, если бы тот в самый разгар опытов не сделал отчаянный прыжок, угодив прямо в экспериментальную установку. Александра сначала сама не поняла, что произошло, потому что такой мощной иллюминации с выделением дыма и искр на её памяти в лаборатории прежде не случалось.

Она бросилась на помощь коту, который, по её расчётам, получил опасную дозу облучения быстрыми протонами и другими частицами, над получением которых она работала целый год, но оказалось, что мейн-кун чувствовал себя прекрасно. Он выскочил из установки и, оглашая стены лаборатории громким мяуканьем, помчался крушить всё, что попадалось ему под лапы. Вот тогда в голову Александре пришла интересная идея: проделать всё то, что она описывала и рассчитывала в теории, с живым и отчаянно смелым испытуемым. Кот первое время прятался от неё так умело, будто исчезал, рассыпаясь в воздухе на частицы, а потом, научившись доверять, всё равно наотрез отказывался выйти за дверь, поэтому приходилось закрывать его в лаборатории. Но раз уж кота заметил сам проректор, дело принимало новый оборот, ведь хвостатые студенты не приветствовались, как в прямом, так и в переносном смысле. Придётся забрать его домой, хотя хозяйка квартиры была против кошек.

Александра взглянула на мейн-куна, который вальяжно возлежал напротив, внутри сконструированной ею установки и никак не желал делать то, что запланировано. Что же она расскажет профессору Лохматому? Может какие-то расчёты неправильны? Александра полезла в сумку, чтобы достать нетбук, в котором вела все записи по своему тайному проекту, и, пока она рылась в беспорядке гаджетов и бумаг, на пол выпал тот самый свиток. Александра подняла его и задумчиво покрутила печать, напоминавшую старинную монету. На аверсе находился странный символ, похожий на иероглиф, а на реверсе с трудом можно было разобрать загадочное имя:

«Ведагора Богдановна …»

Кто это?! Ни у кого из её знакомых отродясь не водилось таких заковыристых имён, а родственников и вовсе не осталось. Разглядеть фамилию оказалось трудно, даже вооружившись лупой. Она была написана со строчной буквы, а может быть, первая буква просто стёрлась. Мейн-кун, улучив момент, попытался откусить печать, но Александра упрятала свиток обратно в сумку.

– Ладно! Идём домой! – сказала она коту, аккуратно извлекая его из установки. – Завтра разберёмся!

Оставлять мейн-куна в лаборатории теперь было нельзя, поэтому Александра решила забрать кота с собой.

– Я этого слонопотама везти отказываюсь! Он своей шерстью весь салон мне облохматит! – заявил водитель такси, заметив, что пассажиров будет двое.

– Это не слонопотам, а Кот Шрёдингера! Сокращённо Кэ Ша! – возразила Александра, вспомнив великого физика и его теоретический эксперимент.

Кстати, и имя для кота получилось забавное, а то бегал до этого без названия.

– Ах, Кеша! А этот Шрёдингер…Шрёдингер… – озадаченно пробормотал водитель, старательно выискивая что-то в собственной памяти. – Бизнесмен что ли?

– Вроде того, – соврала Александра. – Наш спонсор!

– И это его кот? Сразу видно: зажрался! – оценивающе взглянув на белого здоровяка, сказал водитель. – А почему тогда он здесь?

– Потому что Шрёдингер решил поставить эксперимент: поместил в закрытую коробку живого кота и убийственный механизм. Суть эксперимента такова: пока коробка закрыта, кот может быть одновременно и жив, и мертв. Все выборы существуют одновременно. Понимаете? – пояснила Александра, изложив знаменитую философскую шутку физиков.

– Чудная ты! И Шрёдингер твой, – сказал водитель, мозг которого, кажется, тоже пребывал одновременно в двух состояниях до момента вскрытия черепной коробки. – Ладно, садись!

Ехали молча. За окном плыл расцвеченный огнями город. Студент-филолог, вероятно, уже восторженно накропал бы стишок о мистике ночи или как минимум процитировал бы Шекспира, а Александра просто неотрывно смотрела в черноту неба, упавшего верху на дома, площади и проспекты.

– Остановите здесь! – сказала она и вышла из машины.

К дому, где она снимала квартиру, вела дорожка, проходившая через старый запущенный сквер. Идеальное место для одиноких прогулок и размышлений. Кот начал вырываться, желая идти самостоятельно, и вскоре уже трусил рядом с Александрой, слегка выдвигаясь вперёд. Вокруг было величественно и пусто. Фонари проливали загадочный тусклый свет, клёны, охваченные дрожащей дымкой лёгкого марева, казались выходцами из иных миров, а дорожка – лентой, выпавшей из косы великанши. Но важнее всего был ветер, приводивший в движение всю эту мистику и несущий в себе запах листвы, ночи и приключений. Кот уже убежал довольно далеко вперёд, как вдруг на противоположном конце дорожки показался силуэт крупного пса.

Чёрный и гибкий, он выглядел частью ночной темноты, стремительно мчавшейся к серебристо-белому мейн-куну. С каждым шагом пёс словно увеличивался в размерах, и его угольно-чёрная шерсть, казалось, была опалена искрами алого пламени.

– Кэ Ша! – крикнула Александра, бросившись на помощь коту.

Пёс двигался быстрее, он уже летел вперёд и будто оставлял за собой огненные следы. Но в самый решающий момент атаки мейн-кун вдруг исчез, словно рассыпавшись сонмом белых искр! Александра не поверила своим глазам, замерев на месте, как, впрочем, и пёс. Через мгновение Кэ Ша материализовался рядом с ней и, как ни в чём не бывало потёрся лбом о руку Александры, преодолев таким образом расстояние метров в десять в один миг.

– Квантовый скачок! – пробормотала она, подхватив кота на руки. – У нас получилось!

Пёс стоял впереди, будто закрывая путь к подъезду, и Александре показалось, что из глаз этого порождения мрака струятся алые языки пламени, но вскоре наваждение разорвал приятный мужской голос:

– Грим! – властно позвал он, и пёс, послушно завиляв хвостом, помчался к хозяину.

Александра не увидела лица этого человека, отметив только, что тот был высокого роста и, как говорится, туловищем дюж, словно средневековый рыцарь. Да, впрочем, какая разница? Ходят тут всякие, гримированные, а потом коты пропадают! Александра пожала плечами и побежала к дверям подъезда. Её мысли переполняли идеи, а душа пела от счастья. Эксперимент удался! Теперь можно претендовать на научный грант, а главное – её мечта, с детских лет ставшая смыслом жизни, могла осуществиться!

В крошечной квартирке царил творческий беспорядок, в который очень органично влился мейн-кун. Он белым вихрем пронёсся по маленькой комнатке, совмещённой с кухней, опасливо заглянул в санузел и, закончив изучение, стянул со стола заветревшийся кусок недоеденной колбасы и плюхнулся в кресло.

– Надеюсь, апартаменты вас устраивают, Ваше Лохмачество? – спросила Александра, натягивая пижаму и расположилась рядом.

– Миав! – милостиво отозвался кот.

Александра вспомнила, что где-то читала, будто такой звук издают только датские коты.

– Нья! – добавил Кэ Ша, словно был выходцем из Страны Восходящего Солнца.

– Пойдём спать, полиглот! – усмехнулась Александра, почесав его за ухом.

Кот согласился и, когда она легла на спину и накрылась одеялом, запрыгнул на грудь новоиспечённой хозяйке, хитро глядя ей в глаза. Морда у него, как у многих мейн-кунов, подозрительно смахивала на сильно обросшее человеческое лицо. Александра усмехнулась и погладила кота по большой лохматой голове. Наверное, этого мейн-куна правильнее было бы назвать

Капитализм (с человеческим лицом, как сказал кто-то из политических деятелей), но Александра была далека от политики. Казалось, взгляд кота оказал гипнотический эффект, и она мгновенно уснула. Разбудил её громкий повторяющийся шорох. Мейн-куна на месте не было, зато кто-то мурзился и копошился в кромешной темноте. Александра щёлкнула выключателем, и в свете бра ей открылась потрясающая картина: Кэ Ша сидел на её сумке и яростно грыз печать на свитке. Дорвался, как говорится!

– Ну, что ты?! – воскликнула Александра, аккуратно отобрав у него послание.

Печать была всё-таки необратимо откусана, и свиток сам развернулся в руках, обнародовав, таким образом, затейливую надпись «ЗАВЕЩАНИЕ», начертанную очень красивым почерком и украшенную завитушками. Здесь фамилию уже можно было разобрать, а может это и не фамилия была вовсе, ибо начиналась с маленькой буквы и имела большой отступ от имени и отчества.

– Хм…Что за шуточки?! – пробормотала Александра, быстро просматривая строку за строкой.

Из послания следовало, что ей в наследство от той самой «Ведагоры Богдановны… убиенной» (о, как!) полагается дом где-то в Подмосковье со всем его содержимым по прилагаемой описи. Дальше всё начинало подозрительно смахивать на номер для КВН, потому что в этой самой описи, кроме прочих диковин с не совсем внятными названиями были означены: камень верстовой-балабольный – одна штука, шлем набалдашный, кладенец-самосек и ещё куча всякой всячины тоже по одной штуке. Вступать в наследство надо было спешно, потому что срок оканчивался завтра в полночь. Для удобства клиента внизу последнего листа значился адрес и имя нотариуса, к которому рекомендовали обратиться: Чертолье, д. 4/ч (обойти спиной против часовой стр.), Павсикакий Рубентьевич Юст.

Александра усмехнулась, задумчиво покрутив завещание в руках. Может, это Сенькины штучки? Этот сладкоречивый индивид слыл очень жестоким шутником, от издевательств которого многие даже бросали учёбу. Но ради чего ему так заморачиваться? И как удалось настолько шикарно создать иллюзию старого документа? Александра пожала плечами и, решительно свернув свиток и отобрав у кота откушенную печать, упрятала всё обратно в сумку. В конце концов, завтра у неё были дела в указанной части города: там жил один великовозрастный оболтус, которого Александра готовила к экзаменам, подрабатывая репетиторством. Дело в том, что Чертольем когда-то давно называли нынешнюю Пречистенку. Было даже присловье такое: «Чертолье – чертям раздолье». Разумеется, Александра не верила в чертей, но эта история с завещанием показалась ей интересной. Да и почему бы не взглянуть на юриста с таким оригинальным именем, если он существует, конечно? Её длинные пальцы уже набирали имя на клавиатуре, вбивая в строку поиска.

Google не ответил ничего вразумительного по поводу наличия или отсутствия такого специалиста в Москве, но нотариальные конторы имели обыкновение возникать, как грибы после дождя. Может быть, этот адрес пока не отображается в поисковиках, хотя номер дома тоже вызывал вопросы. Что за «4/ч»? Взгляд Александры застыл на случайно всплывших среди ответов на введённый запрос значениях имён. Если верить этим расшифровкам, то нотариус был просто образцовым воином добра, ибо его ФИО – Павсикакий Рубентьевич Юст – переводилось как: «борец со злом краснеющий справедливый» и звучало, словно биологическая номенклатура. Неужели в наше время встречаются такие исчезающие виды? Александра не принимала во внимание чудеса и простые совпадения. По её мнению, во всём была своя логика, которую просто надо понять, и задача решится сама собой.

По окончании занятий и долгой беседы с проректором, в ходе которой взгляд Михаила Евгеньевича становился всё более удивлённым, а после изучения расчётов и осмотра установки даже приобрёл оттенок лёгкой ошарашенности, Александра отправилась на Пречистенку. Пол-

тора часа подготовки к экзамену с нерадивым сыном богатых родителей на этот раз тянулись, как полтора года, зато закончив все дела, можно было смело идти навстречу приключениям.

Дом №4 был самым обычным трёхэтажным кирпичным домом с оштукатуренным фасадом. Вернее, это сооружение состояло из двух строений. Внутри располагалось много офисов, ломбард и даже ресторан, но никаких намёков на «/ч» и тем более нотариуса не наблюдалось. Александра пожала плечами: похоже, и правда, розыгрыш, но в чём его смысл? И тут ей вдруг вспомнилась надпись: «(обойти спиной против часовой стр.)», а, значит, был повод продолжить эксперимент. Шагая в указанном направлении, она, машинально опустив руку в карман, вращала печать от свитка с завещанием и думала о ленте Мёбиуса и кривизне пространства-времени, предсказанной Эйнштейном. Особой кривизны, кстати, визуально не наблюдалось: дома как дома, дорога как дорога – ничего особенного, только люди смотрели странно на яркую фиолетовую личность, передвигавшуюся таким способом, да голова у неё немного кружилась.

Вернувшись на прежнее место с другой стороны, Александра сперва не заметила никаких изменений и собиралась уже отправиться домой, как вдруг ей в глаза бросилась странная вывеска: «ысуиратоН», располагавшаяся рядом с табличкой, на которой значился номер дома «4/ч». Прошло несколько секунд, прежде чем разум, проанализировав информацию, перевернул буквы, получив нужное слово: «Нотариусы». Александра скорчила забавную гримасу и высунула язык, копируя Эйнштейна. Вот тебе и обошла дом! Какой интересный эффект! Изучить бы, чем он объясняется?

В голове крутилась многолистная вселенная Сахарова, подразумевающая бесконечное число параллельных измерений, а, чтобы подтвердить или опровергнуть это, оставалось только войти в тёмное чрево подъезда под вывеской. Правда, сделать это было как-то боязно: вдруг система работает, как говорится, только на вход, а выход – рупь. Страхи развеялись, когда двери заведения открылись, выпуская, целую вереницу личностей разной степени угрюмости. Забавно было то, что у каждого из этой когорты в руках был глиняный цветочный горшок с торчавшим из него фикусом. Что бы это значило? Самое время выяснить.

Внутри было немного прохладно и пахло пылью. Александра сделала несколько шагов к светившемуся впереди окну, следуя мимо дверей с разными надписями, и остановилась у самой последней: «Павсикакий Рубентьевич Юст». Абсурдность происходящего её не пугала, ведь она была уверена в том, что всё в жизни объяснимо и преодолимо, и почитала как единственного бога физику. Александра осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. За видавшим виды столом, заваленным бумагами, сидел хилый дядечка с усиками и, периодически протирая старенькие очочки, беседовал с посетителем в чёрном худи с небрежно наброшенным глубоким капюшоном.

– Наследница не объявилась, значит, права переходят к Архимату! – говорил тот хриплым прокуренным голосом.

Архимату?! Александра удивлённо приподняла брови. Это же почти как архимаг, но занимающийся либо чем-то крайне нецензурным, либо до удивления физкультурным, или очень математическим. Кто мог скрываться под таким именем? Или это слово можно было считать названием какой-то неизвестной должности? А наследница кто? Получается, что этот тип в худи говорит о ней?

– Так ведь и срок ещё не вышел! Объявится наследница! До полуночи далеко! – резонно заметил нотариус. – Так что не могу, голубчик, ничем не могу вам помочь!

– Хорошо! Я приду ровно в полночь! И тогда ты отдашь нам всё! – угрожающе произнёс прятавшийся под капюшоном субъект.

У Александры было чёткое ощущение, что тот не зря прячет лицо.

– Помилуйте, дорогой мой! – возмутился на это Павсикакий Рубентьевич. – У меня рабочий день не резиновый! Приходите завтра! А ещё лучше через недельку!

– Попробуй только контору закрыть, очкарик! Я тебя везде найду! – процедил сквозь зубы посетитель.

Недовольно ворча (хотя это больше было похоже на рычание), он поднялся и направился к двери. Внутри капюшона колыхалась чернильная пустота вместо лица. Интересный эффект! Что-то похожее – видимое отсутствие тела – было в древнем фокусе «говорящая голова» и достигалось с помощью обычного зеркала. А здесь? Александра быстро отступила за угол, где коридор образовывал тупик, и спряталась за колонной. Инстинкт самосохранения, да и простая логика, подсказывали, что с этим типом в худи лучше не встречаться, даже если очень хочется выяснить, как он прятал лицо и кому служил. Послышались удалявшиеся тяжёлые шаги и свистящее дыхание, а, когда всё стихло, в коридоре прозвучало судьбоносное и сдержанно радостное:

– Вы ко мне, голубушка?

– Да, если вы нотариус! – сказала Александра, выходя из укрытия.

– Нотариус, нотариус! Милости прошу! – очкарик широко распахнул дверь в кабинет.

Александра вошла внутрь и села на плетёный стул, теребя в руках сумку с завещанием, пока нотариус закрывал дверь на три оборота ключа. Кабинет представлял собой нечто среднее между комнатой в какой-нибудь «заброшке» и действующей канцелярией времён Керенского. Всё казалось старинным, нереальным и загадочным. Александру это не пугало, потому что временные петли и скачки как раз и являлись предметом изучения и направлением её научной работы, которая давно вышла за рамки проекта, обозначенного проректором.

И вообще, чем абсурднее ситуация, тем интереснее понять её суть! Александра внимательно разглядывала покрытые трещинами, выцветшие стены, старый, полустёршийся паркет, и жалела о том, что пришла сюда без нужных приборов и не могла сделать замеры. Оставалось только наблюдать. Впрочем, многие великие открытия были сделаны методом наблюдений. Её взгляд скользил по антикварным шкафам с декоративной резьбой и завитушками на ободранных дверцах, по пыльным полкам, где за стеклом стояли архивные картонные папки со странной маркировкой на корешках типа «ГНУ», «ЖНУ», «ПНУ» и так далее. На окне с замызганными стёклами и ржавыми решётками скучали многочисленные горшки с фикусами разного калибра. Толстые тёмные листья этих цветов казались восковыми, а множество круглых отпечатков на подоконнике, говорило о том, что часть комнатных растений, стоявших здесь, уже раздали посетителям. Занятная контора!

– Как хорошо, что вы всё-таки пришли! По правде говоря, вы наш единственный козырь! – облегчённо вздохнув, произнёс Павсикакий, увидев завещание у неё в руках. – Так что фик, то есть фикус теперь Архимату, а не имущество!

Он погрозил пальцем в сторону закрытой двери, словно обладатель чёрного худи и хриплого голоса стоял за ней. Так вот зачем здесь фикусы! Александра невольно усмехнулась, вспомнив вереницу угрюмых типов, попавшихся ей навстречу. Интересный способ отказа клиентам.

– Мне кажется, произошла какая-то ошибка, ведь у меня нет родственников, которые могли бы мне что-то завещать, – её голос звучал глухо и отдалённо, словно она находилась не здесь, а разговаривала с нотариусом по телефону.

– Да что вы, голубушка! Как можно?! У нас серьёзная контора! – возмутился Павсикакий, всплеснув руками, от запястья до локтя упрятанными в засаленные нарукавники. – Нам доверяли свои дела даже династии…

Он осёкся, скомкав окончание фразы, и продолжил уже в другом русле:

– Вот! Не изволите ли получить?

Нотариус протянул Александре гербовый бланк с золотым тиснением – «Свидетельство о праве на наследство». Александра взяла документ, подивившись качеству бумаги, казавшейся старше не только самой наследницы, но и этой комнаты, и пробежала глазами текст, не найдя,

впрочем, ничего криминального. Возможно, юристы сказали бы иначе. Надо бы сперва показать это знакомым с юрфака.

– Подпишите здесь, и покончим с этим! – настаивал тем временем нотариус, пододвигая раскрытую амбарную книгу, где рядом с записью о получении стояла жирная галка, и протягивая наследнице перо, кончик которого он услужливо обмакнул в чернила.

– А кто такой Архимат? Да и сама эта Ведагора… Она кто мне?! Отчего умерла? И почему меня выбрала наследницей? – спросила Александра, наблюдая, за каплей, отчаянно болтавшейся на самом острие.

Похоже, у неё с этой каплей было сейчас нечто общее.

– Это вам, голубушка, блюститель расскажет, но позже, а срок вашего пребывания здесь закончится через …

Павсикакий Рубентьевич глубокомысленно посмотрел на стену, и Александра тоже последовала его примеру. Прямо у потолка неожиданно проступили часы, циферблат которых представлял собой запутанный лабиринт из переплетений шестерёнок и цифр, словно совмещая сразу несколько временных отсчётов в разных системах. Всё это безобразие двигалось, мигало и скрипело, как несмазанная телега.

– Через… Йо! – воскликнул он, вытаращившись на часы.

– Что?! – опешила Александра, не понимая, что так испугало нотариуса, раз тот даже чуть было не выругался в голос при клиенте.

– Я говорю, остались считанные йоктосекунды! Подписывайте! – воскликнул он. – Или наследство накроется медным тазом!

Тазы кстати в конторе тоже были в наличии. Александра, быстро оценив временной интервал (йоктосекунда равнялась где-то единице, делённой на один с двадцатью четырьмя нулями секунд – короче, времени было мало!), поставила свою подпись в нужной графе вместе с жирной кляксой и положила перо рядом с амбарной книгой. В этот момент из часов неожиданно выскочила крупная кукушка, похожая по размерам скорее на заикающегося петуха:

– Ку…Ку! Ку…Ку! – произнесла она подозрительно знакомым приятным мужским голосом, и комната будто рассыпалась на тысячу осколков, оставив Александру стоять около дома номер четыре на Пречистенке.

Она, удивлённо хлопая глазами, озиралась вокруг, не понимая, что произошло, пока не обнаружила рядом Сеньку.

– Ку-ку, грешница! – нагло улыбаясь, повторил он.

Вот кому принадлежал голос! Неужели всё-таки розыгрыш?! Александра уже собиралась высказать этому донжуану всё, что о нём думала, но вовремя обнаружила гербовый бланк, который сжимала в руке. Значит, всё было взаправду?! Дома разберёмся! Она быстро свернула документ в трубочку, сунула в сумку и спросила:

– Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?

Этот вопрос почему-то вызвал некоторое замешательство у Сеньки. Он как-то слишком внимательно и пристально посмотрел на неё, словно этот срок жизни был написан у его собеседницы на лбу. Кстати, глаза у Сеньки тоже были странные: Александре даже померещился огненно-алый циферблат вместо радужки с необычными цифрами, разбросанными по кругу. Правда, это наваждение исчезло через пресловутую йоктосекунду, так что иридодиагностика не удалась: замысловатые узоры Сенькиной радужной оболочки действительно при хорошей фантазии можно было принять за римские цифры, но не более того.

– Ты чё здесь забыла? – спросил Сенька, весело улыбаясь.

Всё-таки он был чертовски красив, гадина такая, к тому же стоял, эффектно опираясь на приоткрытую дверцу новой иномарки, по цвету напоминавшей солнечное затмение. Кстати на заднем сидении этого объекта чёрной зависти всего университета, была небрежно брошена шкура леопарда – фальшивка, по всей вероятности, но очень эффектная. Любопытствующему

женскому полу Сенька рассказывал, будто сам добыл этого хищника на охоте в джунглях. Девушки верили и ахали, дамы в годах посмеивались, но всё же восхищённо взирали вслед хваткому юноше. В этом был весь Сенька: на любые авантюры готов, чтобы поразить женскую часть населения столицы! Ну, прямо рыцарь в леопардовой шкуре!

– А ты? – вопросом на вопрос ответила Александра.

– Ну, я-то, допустим, живу здесь триста лет и три года! А ты…– он ещё более внимательно и хитро взглянул на неё, смерив взглядом с ног до головы (ноги были очень даже, а голова, по Сенькиным меркам, – слишком умная, хотя и с красивыми серыми глазами).

– Может, откушать со мной желаешь на халяву? Приглашаю! – Он кивнул в сторону входа в ресторан, выдав свою самую обаятельную улыбку.

– Нет! – холодно сказала Александра.

– Чем же я заслужил такое пренебрежение от королевы формул и ультрафиолета? – надменно спросил Сенька, которому, по слухам, не отказывали даже самые красивые девушки и некоторые молодые преподавательницы.

– Староват ты для меня! Сам подумай: тебе же целых триста лет и три года! – пожала плечами Александра и пошла прочь.

Не то чтобы ей не хотелось отправиться с Сенькой в ресторан, даже наоборот: возможно, она была бы не против (Александра каким-то неведомым чутьём ощущала, что главный сердцеед университета гораздо умнее, серьёзнее и вообще намного лучше, чем желает казаться), но дома её ждал некормленый кот, надо было доделать доклад и, самое главное, разобраться с завещанием. И вообще, хотелось поставить на место этого самодовольного красавца раз и навсегда из чисто женской солидарности!

– Зато какой жизненный опыт! Могу поделиться! – обиженно крикнул вслед Сенька (таких ударов по самолюбию он не получал, кажется, все вышеупомянутые триста лет и три года), но Александра сделала вид, что не слышит его возглас.

Она бодро шагала вперёд, зная, что Нерайский смотрит ей вслед. Кардиган на спине, казалось, вот-вот задымится от его взгляда. Главное, выдержать и не оглянуться! Она выдержала. Как только дверь съёмной квартиры закрылась за ней, из комнаты выбежал мейн-кун, похожий на сверкающий квантовый рой. Белая шерсть слегка искрила, разлетаясь в разные стороны от каждого рывка. Кэ Ша прыгнул на руки к своей хозяйке, чуть не сбив её с ног восемью килограммами чистой кошачьей красоты, и радостно замурлыкал, прижавшись мокрым носом к её щеке.

– Соскучился? – Александра погладила его по голове и понесла в комнату.

Подкрепившись, они оба уселись в кресло. Александра, извлекла скрученный в трубочку документ и, осторожно развернув его, глубоко вздохнула, снова увидев знакомые стройные ряды букв «Свидетельство о праве на наследство».

– Ты тоже видишь это, Кэ Ша? Как думаешь, оно материально или перед нами какое-то сложное оптическое явление типа миража? – спросила она у кота.

Мейн-кун понюхал бланк и попытался в целях лабораторного эксперимента откусить его край, но, усовестившись после замечания хозяйки, понял беспочвенность своих притязаний.

– Итак, Ваше Лохмачество! Мы с вами теперь владельцы дома, тысячи разных странных вещиц и целой кучи проблем! – сказала Александра, вбивая адрес неожиданно свалившейся ей в руки собственности в строку поиска: «Московская область, Егорьевский район, село Шатур, Змеиный камень», а потом зашлась весёлым хохотом, увидев результаты.

Село оказалось заброшенным уже много лет и, по слухам, находилось на месте древнего капища в самом труднодоступном районе Подмосковья. Вот так наследство! Неужели рядом со столицей в век новых технологий встречаются такие загадочные места? Эта странная мистическая история увлекала её всё больше и, главным образом, потому что Александра любила слож-

ные задачи, а эта задачка была посложнее олимпиадных, потому что вскоре в череде наследственных мытарств наметился новый слой тайн.

Произошло это через три дня после вступления в наследство. Съездить в село Шатур так и не удалось. Александра была занята репетициями выступления на конференции, развивая свою теорию перед проректором Лохматым и его другом – преподавателем ядерной физики со звучной фамилией Хватай-Муха. До её звёздного часа оставалось меньше шести месяцев, а работы предстоял непочатый край: требовалось написать целый ворох статей по теме исследования, перевести на английский, разослать в журналы, сформировать тезисы, которые войдут в сборник трудов конференции, получить патент, не говоря уже о презентации к докладу и доработке установки.

– Мною были получены частицы тёмной материи, в результате облучения которыми кота стал возможен квантовый скачок – переход физического тела в иное измерение и обратно. В связи с этим… – Александра умолкла, заметив, что в аудиторию проникли трое крепких молодых людей.

– Проходной двор какой-то! – возмутился Хватай-Муха, из-за своего маленького роста и особенностей внешности, похожий на шустрого лягушонка (некоторые студентки даже шутили, что это не препод, а заколдованный принц, которого надо поцеловать). – В чём дело? На территорию лаборатории посторонним вход запрещён. Вы из какой группы сюда диффундировали?

– Следственный комитет! – прозвучало в ответ.

Один из вошедших с проворством иллюзиониста показал своё удостоверение и добавил:

– Нам нужна Александра Козырь!

– Это я, – Александра подошла к ним, не понимая, что происходит.

– Вам знаком этот человек? – один из представителей следственного комитета подал ей фотографию.

Александра не сразу поняла, кто изображён на ней, потому что новый современный наряд, отсутствие очков и странное выражение вдруг постаревшего лица существенно изменяли внешний облик.

– Нет, – честно ответила она, возвращая фото. – А что случилось?

– Он был найден в бессознательном состоянии два дня назад во дворе дома на Пречистенке, и врачи до сих пор не могут привести его в чувство. На его шее обнаружили шрамы, а в руке этого человека находилась записка, адресованная вам! Что вы можете сказать по этому поводу?

Только в этот момент Александра узнала в человеке с фотографии нотариуса, выдавшего ей свидетельство. А потом ей сразу вспомнился посетитель в чёрном худи и его хриплый голос, говоривший: «Я тебя везде найду!»

– Ничего, – едва сумев скрыть смятение, проговорила она, потому что рассказывать следователю о приключениях в Чертолье было бы глупо: всё равно не поверят, а то ещё и к психиатру отправят накануне конференции. – Я ничего не знаю. А что было в записке?

Помнится, Павсикакий Рубентьевич говорил, что ей всё объяснит некто блюститель. Александра была уверена, что это следователь: вот уж кто всю жизнь проводит, бдя и блюдя, но, кажется она ошибалась, потому что вместо ответа представитель следственного комитета протянул ей свою визитку со словами:

– Позвоните мне, если вспомните что-то!

Александра ещё долго смотрела из окна, как трое молодых людей садятся в машину, что-то обсуждая между собой. Вот бы узнать, что именно! И что за записка?

– У вас какие-то проблемы? – спросил подошедший проректор.

Он встал рядом с Александрой, и даже от одного его присутствия ей стало легче и спокойнее. Захотелось рассказать всё это могучему и доброму человеку, но пришлось ограничиться только сдержанным:

– Кажется, да.

Проблем было достаточно. И первая из них носила красноречивое название «БАЭЛЬ». Отношения с ним стремительно портились, как погода в ноябре. Последнее время Лаврентий Павлович окружил Александру ещё более пристальным вниманием, чем раньше. Сначала он взял себе за правило каждую лекцию и практическое занятие начинать с небольшой письменной работы, в ходе которой студентам доставались вполне адекватные и выполнимые упражнения – всем, кроме Александры: над её задачами впору было зарыдать даже члену академии наук. Всё это напоминало что-то вроде шахматной партии – эдакая борьба интеллектов, только силы были явно неравны. И если с первыми тремя письменными работами Александра справилась хотя бы частично, о чём свидетельствовала надпись «Зачтено», выведенная аккуратным остроугольным почерком Баэля, то одного взгляда на очередной лист со стройными рядами букв было достаточно, чтобы понять: Лаврентий победил. Она отложила задание, слегка повернув голову в сторону стоявшего у неё за спиной нарушителя спокойствия. Так и хотелось сказать ему пару ласковых, но что это изменит?

– У вас ко мне какие-то вопросы? – участливо спросил Баэль, заметив её реакцию.

Это уже было из разряда «Ты, Зин, на грубость нарываешься**…**»

– Нет, – холодно сказала Александра.

Она снова решительно взяла лист и, набросав на нём несколько строк нервным неровным почерком и сложив пополам, встала и молча вручила его преподавателю, а потом вышла из аудитории, оставив весь поток, затаив дыхание, наблюдать за продолжением. Баэль развернул лист, а потом тонко улыбнулся, ещё и ещё раз пробегая глазами написанное: «Тили-тили, трали-вали, это мы не проходили, это нам не задавали! Парам-пам-пам»

А сегодня после занятий, когда она по своему обыкновению сидела на подоконнике, дожидаясь проректора, который задерживался, застряв в пробке, к ней неожиданно подошёл Баэль и, молча вручив ей сложенный пополам лист бумаги, удалился. Александра удивлённо посмотрела ему вслед, а потом развернула лист и невольно усмехнулась, прочитав послание:

Особое приглашение

для г-жи Козырь

на дополнительные занятия по математическому анализу

Оригинально! Особенно впечатляло время занятий: 20.00. Что не в полночь?! И как это понимать?

За «битвой титанов» снова наблюдал весь поток. Одногруппницы из разряда «овец» в классификации Сеньки громко шушукались и хихикали по углам, придумывая разные глупости, типа отношений в стиле жестокий препод и ученица. А тут ещё долг по оплате за квартиру и этот следственный комитет!

– Проблемы есть, – повторила Александра.

– Ядрёна физика! – протянул Хватай-Муха. – Как бы нам вместо конференции в суде не пришлось выступать!

Проректор и Александра мрачно взглянули на него, но он не унимался:

– А что? Так и скажем, что мы, физики, – единственные, кто всегда соблюдает законы!

– Я могу чем-то помочь? – не реагируя на его шутки спросил Михаил Евгеньевич.

– Мне нужно уехать. Срочно! – выпалила Александра. – У меня … дела … важные в Подмосковье. А этот Баэль, по-моему, решил не допускать меня до экзамена. Занятия дополнительные назначил.

– Лаврентия Павловича я возьму на себя, – немного подумав, сказал проректор. – Но сдать ему зачёты всё же придётся позже. Человек он крайне принципиальный, имеющий связи и в определённой степени беспощадный.

Ничего удивительного: тёзка Берии. Александра кивнула и вымученно улыбнулась.

– Я не спрашиваю о причинах, но, если вам нужно будет ещё что-то, обращайтесь. И будьте на связи! Я беспокоюсь о вас, – совершенно искренне добавил проректор.

Александра и сама была как на иголках. Возможно, Павсикакий пострадал из-за неё, а в записке было что-то очень важное. Ведь раз какой-то Архимат так настойчиво интересовался наследством, что даже чуть не порешил нотариуса (в противном случае дело бы до следственного комитета не дошло), значит, опасность могла грозить и самой Александре. Хотелось рассказать обо всего проректора, но она чувствовала, что не в праве вешать свои проблемы на кого-либо. К тому же, этот были только предположения, а, чтобы подтвердить или опровергнуть их, напрашивался только один способ: наведаться в село Шатур и взглянуть на дом и хранящиеся в нём диковины.

Отправляться в заброшку в одиночестве представлялось как минимум крайне рискованным предприятием, поэтому Александра решила привлечь в качестве группы поддержки своего старого приятеля. После нехитрой магии сообщений, вечером в социальных сетях на призыв откликнулся начинающий репортёр и папарацци, студент журфака Юрий Солёный, за которым давно закрепилось погоняло Юрец-Огурец, возникшее из-за способности этого мастера языкоплетения при любых обстоятельствах быть «огурцом» и вдобавок изумительно сочетавшееся с фамилией. Юрий сотрудничал сразу с несколькими изданиями жёлтой прессы, скандально и броско освещавшими криминальные новости и разную мистическую шелуху.

– С какого перепуга ты решила сталкером заделаться, Ксаха? – заинтересовался он, дополняя сообщение в личку смайлом в виде хитрого чертёнка.

Так Юрий называл её с момента их первого знакомства, а знакомы они были, как говорится, со школьной скамьи (с одиннадцатого класса), сблизившись на почве взаимопомощи. Это был блистательный деловой союз физика и лирика, который Александра объясняла законом Кулона (противоположные заряды притягиваются), а Юрий – мистикой судьбы (он вообще был склонен верить в разную чертовщину).

– Научную гипотезу хочу проверить, – приврала Александра. – Командировка у меня от физфака, понял?!

– А из этого может получиться прикольная статья! – быстро смикитил журналист, хотя вряд ли поверил в представленные ему объяснения. – Я в деле!

Слово за слово Александра аккуратно разузнала о журналистских связях своего приятеля в следственном комитете, попутно разжигая в нём интерес к найденному на Пречистенке пострадавшему. Юрий Солёный славился мёртвой хваткой, позволявшей раскручивать самые безнадёжные темы, превращая их в бомбические статьи, к тому же на него можно было положиться в любом деле, особенно если не болтать лишнего в его присутствии, да и в дальние походы ради животрепещущих тем он отправлялся уже не раз.

Третьего члена команды сталкеров Александра разыскивала несколько дольше, справедливо полагая, что проводник по незнакомой местности лишним не бывает. Выбор оказался невелик, потому что на её просьбу ответили согласием только двое подозрительных мужчин и одна бедовая девчонка, скрывавшаяся под ником Квасёна. Она была местной, из близлежащего к пункту назначения посёлка, от которого, по её словам, до села Шатур рукой подать – шесть часов пути пешком.

В пользу этой кандидатуры сыграло то, что Квасёна не задавала лишних вопросов и не требовала заоблачные суммы денег, как два других возможных проводника. Связь по скайпу прошла без видео: интернет в тех местах был не ахти, но голос у Квасёны оказался очень при-

ятным, уверенным, располагал к общению и внушал доверие, да и восторженных отзывов от людей, у которых она была проводником, на её странице нашлось предостаточно.

Ещё через два дня Александра уже стояла на перроне, готовая к тяготам пешего перехода по пересечённой местности. Кэ Ша, сидя в прозрачном рюкзаке-переноске для кошек, чинно окидывал взглядом окрестности, словно раджа из паланкина, укреплённого на спине его верного слона, хотя на самом деле этот маленький рюкзак крепился на груди, а в тот, что был за спиной, Алексадра сложила все возможные приборы и гаджеты: физик без приборов, как пианист без фортепьяно. Ехать было решено на электричке до станции Шатурторф, а потом на своих двоих идти через лес.

– Ну-ка, дай заценю! Может, змея какая! – сказал Юрий, когда за окнами под стук колёс быстро замелькали ускользающие пейзажи, и, выхватив у Александры телефон, принялся жадно рассматривать фото Квасёны под разными углами.

Несмотря на вполне заурядную внешность (нос картошкой, небольшой рост и кривые ноги), бабником он был знатным, хотя, конечно, уступал Сеньке по широте охвата и качеству целевой аудитории. Александру он воспринимал как младшую сестру, стараясь по мере возможности защищать её от всего, в том числе и от несчастной любви. Фото, которое он рассматривал, кстати, оказалось неплохим, хотя и любительским. Рыжие волосы, веснушки и необыкновенно выразительные светлые глаза девушки привносили в её образ мистический флёр, словно она явилась из древних легенд и не имела ничего общего с людьми, кроме лёгкого внешнего сходства.

– М-м-м-м! – восхищённо протянул Юрий, внезапно потеряв дар речи.

– А может это и не она на фото! – вполне резонно заметила Александра, не разделявшая его восторгов. – Так что не обольщайся, ловелас пера!

– Умеешь ты поддержать друга! – усмехнулся Юрий, возвращая телефон. – Колись, зачем мы туда едем? Прячешься от кого что ль?

– С чего это ты взял?! – стараясь сохранять спокойствие, ответила Александра.

– Ну, например, с того, что этот твой пострадавший с Пречистенки, очень странным типом оказался. Я узнавал по своим каналам, врачи не могут поставить ему диагноз. Он вроде как одновременно и жив, и мёртв. Документов нет, никто его не ищет, кроме тебя. В общем, дело тёмное, – пояснил Юрий.

– А записка, которая была при нём? О ней ты что-нибудь узнал?! – взволнованно спросила Александра.

– Я классный спец, но не волшебник, Ксаха! – развёл руками Юрий и, заметив разочарованный взгляд своей спутницы, добавил, подмигивая:

– Преданная мне агентесса, которую я завербовал, рискуя жизнью, год назад, ещё не приступила к работе, а как приступит, пришлёт мне фото текста!

Имя этой дамы и её должность он держал в строжайшем секрете, хотя Александру вовсе и не волновали такие подробности.

– Там же телефоны не ловят! Лес! Болота! – спохватилась она. – Связи никакой нет! Как же мы это прочитаем?

Юрий что-то сказал в ответ, но она уже не слышала его слов, вглядываясь в толпу попутчиков. Дело в том, что среди них на миг промелькнуло знакомое лицо, которого ну никак не должно было оказаться в электричке!

– Сенька! – хотела крикнуть Александра, но, спохватившись, решила сделать вид, что не заметила вузовского сердцееда.

Как обладатель дорогих швейцарских часов, шкуры леопарда и новенькой иномарки оказался в пыльной электричке старого образца, направлявшейся в Богом забытые места? Зачем он здесь? Не за ней же в глушь потащился? Как-то не логично! Хотя действия некоторых мужчин, с точки зрения Александры, не поддавались логике. Она попыталась снова отыскать

Сеньку среди пассажиров, но тот уже скрылся из виду. Прячется? А, может быть, ей просто показалось, что это он? В последнее время в её жизни стало слишком много необъяснимого и странного.

ГЛАВА II. О лесных заброшках и торчащих рожках

Дело выглядело бы ещё более запутанным, знай Александра, что случилось день назад на кафедре истории южных и западных славян. Профессор Карл Фридрихович Кибург явился на работу, позже обычного, а не секунда в секунду, как это было всегда. Среди студентов и коллег он заслужил два прозвища – «Киборг» и «Магистр», отчасти из-за звучной фамилии, но главным образом из-за присущего ему холодного даже какого-то нечеловеческого царственного безразличия ко всему. Наверное, даже если бы небо упало на землю, профессор остался бы по-прежнему невозмутимым. Внешне Карл Фридрихович напоминал средневекового рыцаря, если смотреть на это понятие в самых романтических тонах. Высокого роста, широкоплечий и осанистый, он отличался от всех прочих преподавателей каким-то особенным благородным внешним лоском и угрюмостью, присущей то ли воину, прошедшему множество битв, то ли боевому магу с внушительным послужным списком. Кто-то во время празднования студенческого экватора даже клялся, будто сам видел кольчугу под элегантным пиджаком профессора, что, впрочем, вряд ли можно было принимать на веру, ведь некоторым мерещилось и кое-что похуже.

– Метакса! – Голос у Карла Фридриховича был властный и по-змеиному вкрадчивый, будто профессор заклинал злых духов, а не беседовал с секретарём кафедры – милой девушкой с чёрными кудряшками, от неожиданности, выронившей из рук книгу в мягком переплёте.

– Меня никто не спрашивал, Юлиана? – закончил фразу Кибург и с величественно-насмешливым видом взглянул на обложку чтива: «Практическая демонология».

– Был тут этот ваш аспирант, Виктор, кажется, – пролепетала секретарша, смущавшаяся от витиевато вычурных обращений профессора и комплексовавшая от сходства её фамилии с названием греческого алкоголя. – Я сказала, чтобы зашёл через час.

– Хорошо! – коротко бросил Карл Фридрихович и перед тем как скрыться за дверью с надписью «Зав. кафедрой», добавил пугающе доброжелательным тоном:

– Метакса, вы меня опьяняете, но всё же займитесь делами кафедры, а не чтением второсортного ширпотреба о демонах! Бесполезное и опасное занятие, скажу я вам!

Виктор появился ровно через час. Когда он вошёл, Юльке показалось, что в комнате стало светлее. Все неприятности улетучились от одного взгляда серых глаз этого светловолосого молодого человека. Красавцем не назвать, конечно, но в его лице, открытом прямом взгляде и ладной фигуре было что-то такое, от чего становилось спокойно и радостно на душе.

– Карл Фридрихович у себя? – Виктор улыбнулся, и у него на щеках обозначились залихватские ямочки, в каждой – море очарования.

– Да! Проходите! – сказала Юлька, думая о том, что же могло объединять мрачного профессора и этого парня, похожего на богатыря из сказки – ни дать ни взять Алёша Попович, только вместо кольчуги джемпер, а вместо копья и палицы – папка с документами да обезоруживающая улыбка.

– О-о-о-о-о! Вот и вы, Витенька! – прохладно улыбнулся Кибург, увидев вошедшего аспиранта. – Рад, рад! Как продвигается наш проект?

Виктору нравилось бывать у него в кабинете. Казалось, что время здесь подчиняется его хозяину. Несмотря на то, что оформленный в тёмных коричневых тонах интерьер выглядел несколько тяжеловесно и излишне монументально, каждый шкаф казался окном в иную реальность благодаря книгам и артефактам, нашедшим своё пристанище на массивных полках.

– Вот, принёс результаты химического анализа шлемов, найденных на раскопках. Есть несколько интересных особенностей! Хочу, чтобы вы взглянули. Я уже включил информацию о них в новую статью, – воодушевлённо сказал Виктор, положив на стол профессора папку, где хранились распечатки данных.

Когда его, единственного из всех обучавшихся в аспирантуре, пригласил работать в свою команду сам Карл Фридрихович Кибург, Виктор сначала не поверил: ведь было известно, что добиться внимания профессора практически невозможно. Теперь на аспиранта с завистью смотрел весь факультет, недоумевая, чем этот обычный паренёк и бедной семьи мог заслужить от жизни такой куш, но счастливчик не замечал этого, потому что был увлечён предложенной ему работой, благодаря которой исторические факты оживали и обретали новую суть.

– Очень хорошо! Присаживайтесь! – Кибург любезно указал Виктору на кожаный диван с высокой спинкой, а сам принялся листать документы, внимательно просматривая каждый, затем вернул их аспиранту со словами:

– Хочу предложить вам место для новых поисков.

Лицо Виктора просияло от радости.

– Я отправлюсь туда немедленно! – сказал он. – Где это?

– Как ни странно, прямо под носом: здесь в Подмосковье. – Профессор развернул карту и отметил на ней населённый пункт.

В век новых технологий он почему-то предпочитал бумажные варианты электронным, словно средневековый путешественник, да и вообще был довольно старомоден.

– Село Шатур…– задумчиво проговорил Виктор, взглянув на отметку. – Не слышал о таком.

– Место в целом неприметное, но только на первый взгляд. Сейчас эта территория заброшена, что существенно облегчает поиски. И нас ведь интересует не само село, а то, что скрыто в его окрестностях. – Кибург встал, подошёл к Виктору и протянул ему небольшой свёрток.

– Это лекарства для вашей мамы, – пояснил он.

Со стороны профессор сейчас напоминал сюзерена, провожавшего своего вассала в опасный поход. Волосы, тронутые благородной сединой, красиво обрамляли его холодное продолговатое лицо, полное величавой, даже какой-то вековечной мудрости и покоя, только во взгляде иногда вспыхивало нечто мрачное и алчущее. Сколько ему было лет? Все знали, что, вроде бы, шестьдесят шесть, но каждый студент мог бы поклясться, что, по ощущениям, дал бы «Магистру» все шестьсот шестьдесят шесть за его средневековые манеры и дьявольскую проницательность.

– Спасибо! – сказал Виктор, с чувством пожав профессору руку. – Даже не знаю, как вас благодарить! Ей намного лучше! А ведь врачи в один голос говорили мне, что ей осталось жить не больше месяца.

– Не стоит благодарности, юноша! – невозмутимо улыбаясь в ответ, тихо произнёс Кибург, а затем жестом волшебника извлёк из кармана похожий на ключ кулон на тяжёлой металлической цепочке.

– Небольшой, так сказать, сувенир от меня, лично для вас – древний амулет, который я когда-то в молодости нашёл на раскопках. Мне он принёс удачу и открытия, надеюсь, что вам тоже придётся по душе, – добавил он, передав амулет аспиранту, чем вызвал новую восторженную улыбку. – И ещё, Витенька, у меня будет просьба к вам.

– Какая? – Аспирант с готовностью взглянул на профессора.

– Не сочтите за труд, зайдите в магазин и купите корм для моего пса. Я вот здесь записал название. – Кибург протянул ему аккуратно вырванный из блокнота лист.

Как только за Виктором закрылась дверь кафедры, профессор вышел из своего кабинета и сказал, обращаясь к секретарше:

– Меня ни для кого нет! Хочу немного поработать в одиночестве!

– Поняла, Карл Фридрихович! – кивнула Юлька и перевела дух.

Наконец-то, можно было спокойно почитать! Ведь прервали на самом интересном месте! Она открыла новую страницу, где описывался вызов демона-соблазнителя по имени Сэнти, и углубилась в чтение. Взгляд её был прикован к рядам букв, а в мыслях уже рисовался образ

мрачного колдуна, который, уединившись в своём кабинете, чертил связывающий символ на полу, необходимый для сдерживания демона (Юлька очень жалела, что этот знак не был напечатан в книге). Её разыгравшееся воображение изволило шутить, наряжая в тёмный балахон мага – кого бы вы думали? – профессора Кибурга. А что? Из него получился бы знатный колдунище! Студенты от одного его взгляда теряли дар речи. Себя же Юлька представляла в роли его помощницы – ведьмы, обнажавшейся для того, чтобы заклятие вызова вступило в силу.

В своих мечтах она удлинила себе ноги сантиметров на двадцать и добавила пару-тройку размеров бюста, а потом подумала и увеличила ещё и губы до состояния алых пельменей: чего мелочиться? Красные свечи, расставленные по краям символа, наполняли воздух густым таинственным ароматом, и Юлька вдруг ощутила его так ярко, будто действительно присутствовала во время ритуала, а потом до её слуха донёсся голос колдуна, за которым она повторила имя демона. Сэнти явился внутри символа связывания в образе леопарда с крыльями грифона, а затем по приказу колдуна принял человеческий облик, но Юлька не успела его разглядеть, потому что в этот момент в дверь постучали, развеяв всю магию воображения.

– Фридрихович здесь? – тихо спросил один из студентов, заглядывая внутрь.

– Он занят! – недовольно покосившись на разрушителя грёз, сказала Юлька.

– Облом, славяне! Киборг на подзарядке! – сообщил студент ожидавшим его одногруппникам и хлопнул дверью.

– Вот дуболомы! Век вам зачёта не видать! – проворчала Юлька и собиралась продолжить чтение, как вдруг услышала голоса, доносившиеся из кабинета профессора.

Она осторожно подкралась к двери с надписью «Зав. кафедрой» и приложила ухо к её прохладной и гладкой поверхности.

– Понял ли, что должен сделать? – Это был голос профессора.

Наверное, он говорил по телефону с кем-то из подчинённых. Юлька уже рванулась обратно, но тут же замерла на месте, когда на вопрос профессора кто-то, смеясь, ответил:

– Мой твоя понимай!

– Тогда прекрати дурачиться и приступай к работе! – отчеканил Кибург, не разделяя веселья своего собеседника.

– Слушаю и повинуюсь, о мудрейший из мудрых! – несмешливо прозвучало в ответ.

Юлька, не совладав с любопытством, заглянула в щёлку и с удивлением обнаружила в кабинете завкафедрой какого-то молодого человека. Когда он успел зайти?! Неужели она так зачиталась, что не заметила его? Вот бестолочь! Не заметить такого красавца-брюнета – преступление! Заглядевшись на это ходячее воплощение сексуальной привлекательности, она не успела отскочить и получила удар дверью по лбу.

– Ай! – Из глаз буквально искры посыпались, а голова закружилась, словно она приняла на грудь приличное количество созвучного её фамилии греческого коньяка.

– Метакса! – укоризненно обронил профессор, шедший следом за своим посетителем, и покачал головой.

– Пять звёзд, – насмешливо добавил неизвестный красавец, хотя звёзд перед глазами у Юльки летало гораздо больше.

– Я на учёный совет! Не шалите тут! – сказал Кибург, выходя из кабинета. Первое замечание относилось к секретарше, а второе, скорее всего, к его странному посетителю.

После этого молодой человек рассыпался в извинениях перед девушкой, совершенно покорив её сердце.

– Авксентий Нерайский! – представился он, подходя к Юльке на расстояние поцелуя. – Доктор любовных наук!

Нет. Александра не знала об этом, может, и к лучшему. К станции Шатурторф она и Юрий подъехали через три часа в опустевшем вагоне. На перроне было прохладно и уныло, а нависшее свинцовое небо делало пейзаж ещё более неприветливым и мрачным.

– Чёт не видать русалки-то нашей! – усмехнулся Юрий, осматриваясь кругом. – Кинула нас девица! Только деньги зря перевели! Хорошо, что хоть карты с маршрутом распечатали. Сами доковыляем, как Миклухо-Маклай!

– Карты и спутать можно. – Звонкий задорный женский голос заставил новоявленных сталкеров оглянуться.

Прямо на железнодорожном полотне стояла та самая девушка, а её рыжие волосы пылали на фоне унылого пейзажа, словно она была заменителем солнца на платформе Шатурторф.

– Ох! Какая яркая леди! – Юрий демонстративно надел солнечные очки. – Я почему-то уверен, что вы любите солёные огурцы.

– Привет! – сказала Александра, укоризненно ткнув своего приятеля в бок: нашёл, когда девушек кадрить, да ещё так неуклюже!

– Приятно познакомиться, – добавила она. – Я Александра, а это Юра.

– Времени нет, лясы точить. Путь неблизкий. Вы и так спали долго слишком, поздно приехали! – упрекнула их Квасёна.

В этом был виноват Юрка. У него возникли какие-то проблемы с редакцией, поэтому выехать пришлось позже задуманного. Своё опоздание начинающий журналист компенсировал съестными припасами, которыми, судя по соблазнительному запаху, вызвавшему волнение мейн-куна, был набит его рюкзак.

– Спускайтесь, – поманила их рыжая красавица.

Ей очень шли облегающие фигуру кожаные брюки и куртка, придававшие девушке сходство с воином или агентом разведки, только кожа, из которой было изготовлено всё это великолепие, выглядела как-то странно, будто состояла из крупных чешуек, словно куртку сшили из трофейного дракона или … Из чего ещё могут быть такие куртки?

– А как к тебе обращаться, прелестница? Можно звать тебя «Квася», при этом для смелости квася? – не унимался Юрий, выдав пришедший в голову каламбур.

Он первым прыгнул с перрона вниз, а потом помог Александре спуститься. Ответ рыжей красотки заглушил звук рингтона.

– Ну и втравил ты меня в историю, Юрка! – укоризненно проворчали из мобильника.

– А что случилось? – спросил Солёный, чей длинный нос мгновенно учуял запах жареных фактов. – Только, чур, всё по порядку!

– В общем, этот с Пречистенки пока так и не пришёл в себя, но его опознали. Он – нотариус, который вёл наследственные дела, – пояснила агентесса. – Последнее из них касалось завещания одной тётки, которую почти полгода назад сначала нашли вроде как мёртвой, а потом тело исчезло из морга, будто убиенная сама отживела и оттуда ушла.

– Ну-ну-ну! – подначивал Юрка. – Ври дальше!

– А я тебе говорю, что это правда! – обиженно выдохнула невидимая собеседница. – Тётку, кстати, так до сих пор и не нашли. Так вот, я думаю, та девчонка, которой была адресована записка нотариуса (ты текст ещё сфоткать велел), она, походу, эту тётку угрохала, из морга похитила, чтобы никто не понял, как родственница умерла, а завещание подделала в свою пользу!

– Это официальная информация или опять твои гениально смелые выводы? – уточнил Юрий, видимо, хорошо знавший, с кем имеет дело. – И поведай-ка мне, кто опознал нотариуса?

– Да, это только мои выводы! – недовольно буркнули в ответ. – Но в этот раз, вот увидишь, я буду права! А нотариуса опознал настоящий наследник!

– Мне казалось, что мы в Шатур собирались идти, а не по телефону болтать! – громко крикнула вырвавшаяся вперёд Квасёна, прервав содержательный диалог журналиста с осведомителем.

– Скинь мне всю информацию, какую сможешь достать, – взглянув на рыжую красотку, сказал Юрка своей агентессе. – Записку – тоже! И это…я твой должник.

Послышался звук пришедшего сообщения, и сталкеры отправились в путь.

– Ну что? – весело обратился к Александре Юрка, бодро вышагивая рядом. – Не удивлюсь, если на всех столбах по Москве и её пригородам уже расклеены объявления в стиле: «Ахтунг»! Ахтунг! Разыскивается грозная убийца нотариусов, наследодательниц и собственного времени, похитительница трупов и мужских сердец», и дальше – твои опознавательные фотки в фас, профыль…

Он сделал «рамку» из указательного и большого пальцев рук на манер режиссёров прошлого и навёл её на обрамлённое растрёпанными фиолетовыми волосами лицо Александры.

– Лучше покажи, что она прислала! – сказала та и, улучив момент, выхватила из кармана своего приятеля телефон.

– Ксаха! – воскликнул Юрий, но Александра уже лихорадочно просматривала сообщения.

Первое из них представляло собой фотографию записки, лежавшей рядом с конвертом, на котором значилось её имя и адрес. Содержание записки скорее ещё больше запутывало дело, чем проясняло сложившуюся ситуацию. Сначала крупными буквами значилось вот что:

«В деле открылись новые обстоятельства, идущие вразрез с буквой закона. Бойся алой эфы, льющей в реку агатовый гром».

Дальше была приписка мелкими буковками, похожими на букашек:

«И ещё надобно помнить, что

1. Русский Витязь прямо не ходит.

2. Вы это вовсе не вы.

3. Поцелуй пользителен для…»

На этом записка обрывалась. Бросалось в глаза и то, что все слова в ней (ну, может быть, кроме слова «буквой») нотариус нацарапал как курица лапой. Может, не он автор записки? Или, возможно, Павсикакий Рубентьевич Юст очень торопился и был чем-то напуган – руки дрожали, что и дало такой эффект.

– Крайне ценная информация! Он у тебя чокнутый шутник или вещества какие-то нехорошие употреблял? – рассмеялся Юрий, тоже прочитавший записку.

– А вдруг это какая-то тайнопись? – предположила Александра. – Вероятно, за ним следили, и он в последний момент написал это. Не зря же его нашли в таком состоянии! Может быть, он не мог изложить всё прямо, зная, что его враги могут прочесть записку и уничтожить, если бы в ней было что-то компрометирующее их.

– Я и забыл, что ты у нас агент разведки и твоё настоящее имя: фройляйн Штирлиц! Помнится, в кино «Семнадцать мгновений весны» все шифровки начинались со слов: «Юстас – Алексу»! Прямо твой случай! – продолжал насмехаться Юрка. – А я думаю, что это ты в такую глушь забраться решила? Теперь всё ясно: конспирация! И что же твой Юст изложил в этой шифровке?!

Александра задумалась, снова и снова прокручивая в мыслях текст записки. Возможно, тот, кто скрывается под ником «Архимат», уже известен ей, надевая личину добропорядочного человека. Это мог быть кто угодно: сосед, каждый раз улыбавшийся ей по утрам, кто-то из студентов или родителей, нанимавших её репетитором для своих чад. Если предположить, что Павсикакий Рубентьевич узнал, кто это, и решил предупредить её, но Архимат предугадал такой ход. Зло же только в сказках очень глупое и страшненькое, а в жизни может принимать самые прекрасные формы, исполненные мудрости и внешней доброты. Её противник был явно наделён незаурядным умом, а самое главное – он был тайной, пугающей и притягательной.

– Ладно! Что приуныла! – смилостивился Юрка, заметив её озадаченный вид. – Я тебе помогу. Первый пункт – это, видимо, про меня, потому что я часто хожу налево и никогда – прямо.

– Необходимое условие здесь – «витязь»! – резонно заметила Александра. – А ты, Юрец, не обижайся, хоть молодец и добрый, но…

– А-а-а-а! Понял, понял! – с притворной обидой воскликнул Солёный. – Но не орёл, хочешь сказать? И поцелуев мне не видать, как своих ушей.

Александра усмехнулась, а её разум уже перефразировал второй пункт сообразно сложившейся ситуации: «Я не я, а хата всё ж моя!». Ведь дом-то ей всё-таки принадлежал, если, конечно, Свидетельство о праве на наследство не фальшивка. А может, и дома-то никакого нет? И потом, неужели её на самом деле подозревают в убийстве?! И как всё это сочетается с пользительностью поцелуев?! Данных для правильных выводов не хватало, к тому же Юрка забрал свой телефон, отрезав доступ к остальным переданным файлам (хотел изучить их сам), впору было слегка приуныть, но в этот момент Кэ Ша напомнил о себе, неожиданно покинув рюкзак и материализовавшись рядом с идущей впереди Квасёной.

– Ни чё се! – присвистнул Юрий. – Как он это сделал?

– Это квантовый скачок, – пробормотала Александра, – тема моего исследования.

– Котическая физика! – проворчал журналист, не поверив своим глазам и на всякий случай сфотографировал кота.

Кэ Ша в это время принюхивался к Квасёне. Делал он это крайне подозрительно и осторожно, при этом чихал и морщился, а шерсть у него на спине периодически вставала дыбом. Что-то настораживало в этой милой девушке, которая, кстати, тоже не особенно ласково смотрела на мейн-куна. Может, просто не любила кошек?

– Квасёна, а ты давно здесь живёшь? – спросила Александра.

– С рождения! – не оборачиваясь, сказала рыжая попутчица. – Не бойся, места эти хорошо знаю. Не заблудимся!

– И когда же родилась такая фея? – поинтересовался Юрий, ускорив шаг и поравнявшись с ней.

– В безлунную ночь, касатик! – загадочно и как-то недобро усмехнулась в ответ Квасёна.

Александру не оставляло ощущение, что эта девушка, вызвавшаяся быть их проводником, не та, за кого себя выдаёт. А, впрочем, кому же ещё сопровождать ту, кто собой совсем не является, если верить информации в записке? Тем временем дорога всё дальше уводила их от станции в лес. Сначала это был просто самый обычный березняк, неприветливо шелестящий ветками, с неприглядными следами цивилизации в виде импровизированных свалок. Погода не радовала. Чем дальше они уходили от обжитых мест, тем тягостнее и мрачнее нависало небо, а ветер быстро заставил путников закутаться в куртки.

– А правду говорят, что село на месте языческого капища змееборцев построено? – спросил Юрий, изо всех сил старавшийся обратить на себя внимание.

Этот вопрос неожиданно заинтересовал Квасёну. Она впервые взглянула на Юрия благосклонно.

– Люди всегда верят в то, что им удобно. Придумывают себе сказки, а того, что есть по-настоящему, могут и не увидеть, даже если оно перед носом.

– Значит, капище – сказки? – уточнил Юрий, обрадовавшись её словоохотливости.

– Нет, – спокойно пояснила Квасёна. – Сказки – это то, что на его месте построено село. Капище никто не разрушал, оно до сих пор действует!

– Ты там бывала? – спросил Юрий.

Александра заметила, что он уже успел включить диктофон, значит, вскоре можно ожидать появления ещё одной потрясающей статьи. Сама она допускала наличие капищ и тому подобных мест, но никак не связывала проявление чудес с божественной или какой-либо иной природой, стремясь объяснить всё с точки зрения науки. Поэтому её не только не пугали ни кладбища, ни аномальные зоны, ни колдуны или всякие демоны, но даже и привлекали к себе как требующие изучения объекты. Кэ Ша, ставший живым подтверждением правильности её

научного подхода, сейчас бежал рядом с ней, и вид у кота был до того воинственный, будто мейн-кун собирался вступить в сражение. Правда, враги пока не объявились.

Березняк начал постепенно разбавляться вкраплениями сосен и елей. Они подпирали тёмными кронами мрачное небо, словно были единственной защитой от его обрушения на незваных гостей. Дорога становилась всё более непроходимой и заболоченной, напоминая путникам о том, что они пришли в загадочный край, овеянный легендами прошлых веков и современными неоязыческими верованиями. Если верить источникам, первые упоминания о селе Шатур встречались в документах пятнадцатого века. Так что история у этого места и впрямь была очень богатая. Александре иногда хотелось проникнуть сквозь время, чтобы узнать всё обо всём в деталях из первых рук, а не читать предположения историков или байки далёких от науки обывателей.

– В этом селе один из домов принадлежит моей семье, – рассказывала Квасёна, похоже, всё-таки купившись на завораживающее своей искренностью (и, похоже, даже не наигранной) внимание Юрия. – Я иногда прихожу сюда. Слежу за порядком.

Солёный, кажется, был на самом деле увлечён новой знакомой: девушка, и правда, незаурядная, даже какая-то волшебная. Александра наблюдала за ней и Юрием с улыбкой, а вот Кэ Ша почему-то по-прежнему не разделял чувств журналиста. И вообще, настроение у мейн-куна было хуже некуда. Он всё время озирался по сторонам, словно чувствовал неладное. Александра и сама не могла отделаться от ощущения, что кто-то идёт за ними по пятам. Пару раз она даже пыталась проследить за взглядом кота, и в один из таких моментов ей показалось, что за деревьями мелькнула тёмная тень, которая, впрочем, моментально исчезла, как только Александра сосредоточила на ней взгляд. Кто-то следит за ними? Сенька? Хм…Великий сердцеед потащился в лес?! Маловероятно. Может, кто-то другой? На ум сразу приходили мрачный посетитель нотариуса в чёрном худи и тот загадочный Архимат. Кстати, не он ли назвался настоящим наследником?

Чем дальше продвигались путники, тем всё более болотистой становилась местность. По земле стелился туман, и они дважды сбивались с пути, то ли по причине того, что Юрий нещадно отвлекал Квасёну своими расспросами, то ли потому, что эта местность не хотела подпускать незваных гостей к своим тайнам. В результате до села удалось добраться только к ночи. Солнце уже закатилось за частокол леса, уступая тьме право царствовать до рассвета. Прятавшиеся за высоким бурьяном и деревьями дома казались Юрию как самому подверженному всякого рода мистицизму спящими чудовищами с выпиравшими, словно рёбра, брёвнами и заметно сползающими проваливающимися крышами, но весь этот мистический флёр мгновенно исчез от прикосновения луча света – это Александра включила мощный фонарик.

Она, кстати, прихватила с собой и тепловизор. С такими приспособлениями даже кресты заброшенного погоста, руины церковных ворот, ведущих в никуда, и одиноко возвышающаяся над унылым ландшафтом разрушенная колокольня уже не навевали мрачных мыслей о вечном. Наука всегда разрушала суеверия и развеивала мрак. Правда, даже с помощью этого прибора не удалось разглядеть ничего, что бы заслуживало внимания. Кто же следил за ними? Или показалось?

– Мой дом там, – тихо сказала Квасёна, указывая на одну из дальних построек, почти терявшуюся в темноте и тумане. – Переночуем в нём, а завтра пойдём искать то, что вам нужно. Не переживайте, я проводник со стажем. Пешие экскурсии сюда регулярно вожу.

В общем-то, никто и не переживал. Нервы и у Юрия, и у Александры были крепкие, как канат: журналисту в наше время иначе не выжить, а физику и подавно. Кэ Ша мгновенно переместился обратно в рюкзак, усилив нагрузку на хрупкие плечи своей хозяйки и желание срочно остановиться на ночлег. В дом пришлось продираться через заросли кустарника, но временное пристанище вопреки ожиданиям оказалось довольно ухоженным жилищем. Квасёна закрыла дверь изнутри на мощную перекладину на задвижках и зажгла керосиновую лампу.

– Проходите! Располагайтесь! – сказала она. – Здесь, конечно, не царские палаты, но…

– Номер люкс времён царя Гороха! – констатировал Юрий, потирая шишку на лбу после удара о низкую дверную притолоку.

Пока Квасёна, так и не сняв пыльную чешуйчатую куртку, быстро и умело растапливала печь, Александра с интересом осматривала комнату. Домотканые коврики под ногами, бревенчатые стены – вроде бы, обычный сельский дом. Внимание привлекли небольшие окна. Закрытые снаружи ставнями, они были украшены милыми занавесками с вышитыми непонятными символами, похожими на связанных хвостами змей. Александре эти вышивки напомнили формулы, а Юрий сравнил их с шифровками, оставленными потомкам деревенским Штирлицем. Кэ Ша заинтересовался круглым отверстием в стене, с опаской заглядывая в этот лаз. Для кого он предназначался и куда вёл? Может, для кошек? Навалившаяся усталость исключала любые вопросы. Александра устроилась на старом диване, и Кэ Ша свернулся калачиком, уткнувшись мокрым носом ей в шею. Юрий изъявил желание лечь на печи, словно оправдывая недовольное ворчание Квасёны, доведенной до белого каления неиссякаемыми вопросами журналиста.

– Мели, Емеля, твоя неделя!

– По щучьему велению, по моему хотению пишись, статья, большая и малая! – засмеялся Солёный, взбираясь на печь.

Он ещё довольно долго болтал, изредка получая ядовитые и остроумные ответы рыжей селянки, устроившейся у противоположной стены. Под их разговоры Александра уснула, обняв кота. Во сне она видела странный полуразваленный мост через покрывшуюся ряской реку и древнее капище, видневшееся за стволами деревьев. В этом видении она уже шла по шатающимся брёвнам, когда всё вдруг разрушилось от громкого рыка неизвестного монстра. Александра вскочила с дивана и замерла, слушая темноту. Через мгновение ей всё стало ясно: за рык она приняла громкий храп Юрия. С таким напарником можно было смело идти даже к чёрту в пекло: всех храпом распугает. Смех, да и только!

– Кэ Ша! – тихо позвала она, заметив, что мейн-куна нет рядом, и включила фонарик.

Кот сидел у отверстия, словно ждал того, кто мог пробраться сквозь него в дом.

– Что ты там нашёл? – шёпотом спросила Александра.

Вместо ответа Кэ Ша исчез и мгновенно материализовался на подоконнике, прислонив нос к стеклу, будто желая привлечь внимание своей хозяйки к тому, что происходило в ночи. Александра подошла и прислушалась. За окнами свистел ветер и стучал ветвями деревьев в ставни, но сквозь этот свист просачивались чьи-то голоса. Вроде бы, ничего необычного, если не учитывать тот факт, что всё это происходило глубокой ночью в «заброшке». Или село Шатур не так уж и заброшено? Или призраков с кладбища ветром принесло? Александра приоткрыла оконные створки, стараясь делать это бесшумно, чтобы не спугнуть говоривших. Наглухо заблокированные снаружи ставни полностью закрывали обзор. Оставалось довольствоваться звуками, которые были очень обманчивы: поди разбери, о чём тихо шепчутся двое на фоне завывания ветра и шороха ветвей. Может получиться, как в игре «Испорченный телефон», и всё-таки прислушаться стоило.

– Что тебе тут надо?! – вроде бы, спрашивал женский голос. – Это не твоя территория!

Кажется, это говорила Квасёна, хотя Александра не могла быть уверена в этом, потому что слова, произносимые женским голосом, звучали приглушенно и даже как-то свистяще, а не звонко, как днём.

– Так ты встречаешь родственную душу? Правильно про таких, как ты, говорят: змея подколодная! – дерзко отвечал говорившей мужской голос, тоже показавшийся Александре смутно знакомым, что побудило её записать разговор на диктофон.

– Договор о территориях давно утратил силу! – продолжал спорить неизвестный.

– Но не в этих местах! – прозвучало в ответ. – Они издавна принадлежали таким, как я!

– С чего это вдруг ты так опекаешь чужаков? – спрашивал голос.

– Лучше скажи, с чего это вдруг ты ходишь за ними, как хвост, – ответил женский голос.

– Долгая история, – недовольно проворчал ночной гость. – И потом, одно другому не мешает: и ты, и я можем получить…

– Тс-с-с! – прервала его невидимая женщина, и всё стихло.

Александра пошарила по стенам лучом фонаря. Кажется, их загадочной рыжей помощницы не было в доме: место, где та устроилась спать, пустовало, хотя задвижка на переладинах по-прежнему находилась на месте, то есть дверь никто не открывал. Парадокс! Не в трубу же она вылетела верхом на метле? А может быть, эта рыжая бестия тоже совершила квантовый скачок? Александра собиралась уже выйти и посмотреть, что же там творится снаружи, но её остановил шорох в глубине комнаты, сопровождавшийся яростным шипением Кэ Ша.

– Убери фонарь! В глаза же светит! – недовольно прошипела Квасёна, чтобы не разбудить Юрия.

Она стояла рядом с лазом, но тот был настолько узким, что человеку невозможно было протиснуться сквозь него. Значит, никуда не выходила?

– Мне показалось, там кто-то…– пробормотала Александра, пытаясь сопоставить факты.

Ей бросилось в глаза, что кожа, из которой были сделаны брюки и куртка девушки, стала блестящей, как новая, волосы тоже сияли приглушенной алой медью. Привиделось спросонья, или здесь наблюдалось какое-то физическое явление? Надо всё обдумать.

– Ну, кто тут может быть, кроме нас? – спокойно сказала Квасёна.

Кэ Ша, кажется, успел исцарапать ей руку, но рыжая красавица не подала виду, к тому же кот быстро исчез с места преступления, материализовавшись за правой ногой своей хозяйки, и выглядывал оттуда, как нашкодивший хулиган.

– Я в сени выходила, вот ты меня и не заметила на прежнем месте, – пояснила она, стараясь успокоить Александру. – Да и ночь выдалась ветреная. Слышишь, как за окном завывает? Тут что угодно показаться может. Спи! Утром у нас большая культурная программа!

К слову, ветер действительно жутко гудел в трубе и шелестел ветвями и травой за окнами, и, кажется, начался дождь: стук капель тоже был весьма ощутимым. Казалось, непогода пыталась ворваться в жилище, внутри которого было тепло и тихо. Александра решила, что надо хорошенько выспаться, чтобы завтра на свежую голову обдумать происходящее. «Предположим, что наша провожатая является какой-то инородной сущностью из параллельного измерения, что в свете произошедших событий совсем не кажется абсурдным, – сказала себе она. – Пусть даже так, но если бы она хотела причинить нам вред, уже давно сделала бы это. Значит, её цель в чём-то ещё. Надо подождать, пока она сама решит открыться нам». Остаток ночи прошёл без происшествий, а утро – без звонка будильника, что только способствовало продолжению крепкого сна.

***

А вот профессор Лохматый, пока Александра нежилась в постели, успел сделать много важных дел. Он пришёл в свой кабинет пораньше, потому что планировал побеседовать с Лаврентием Баэлем. Эта личность всегда вызывала у него противоречивые чувства, потому что, с одной стороны, тёзка Берии зарекомендовал себя как умнейший человек и интересный собеседник, с другой – Михаил Евгеньевич замечал за ним патологическую скрытность и жёсткость, а о его связях с сильным мира сего в университете ходили легенды. Возможно, именно этими связями объяснялось то, что Лаврентий делал всё так, как хотел, не принимая во внимание указания ректора. Складывалось впечатление, что Баэль опоздал родиться на свет, потому что такие личности прекрасно смотрелись бы в эпоху Медичи или Борджиа. Лаврентий вошёл, сухо поприветствовав профессора, и опустился в предложенное ему кресло, сосредоточив взгляд на шахматных фигурах, которые так и остались стоять на столе после неоконченной партии с Олегом Хватай-Мухой. Михаил Евгеньевич начал разговор издалека, коснувшись самых раз-

ных рабочих моментов и чувствуя, что Баэль прекрасно понял, о чём он на самом деле хочет ему сказать.

– И вот ещё что: я отправил студенческую рабочую группу в небольшую командировку в рамках исследовательского проекта, – решил открыть карты проректор. – Вот список участников.

Он подошёл к шкафу, чтобы извлечь оттуда солидную папку, а потом вернулся и положил перед Баэлем лист бумаги с фамилиями студентов и аспирантов, среди которых фигурировала и фамилия Александры.

– Это многое объясняет, – отозвался Лаврентий, чей холодный проницательный взгляд остановился на одном из пунктов списка.

– Надеюсь на вашу лояльность по отношению к ним! – предельно официально и холодно продолжил Михаил Евгеньевич.

– Я понял вас, – сказал Лаврентий, елейно улыбаясь. – Но всё-таки мне бы хотелось, чтобы ваши протеже, когда вернутся, уделяли хотя бы немного времени моему предмету, особенно некоторые из них.

Дальше они говорили о пустяках, а потом Баэль, аккуратно сложив лист со списком, убрал его во внутренний карман и удалился. Михаил Евгеньевич проводил его взглядом. На душе осталась неприятная тень тревоги. Чтобы развеять её, профессор сел за шахматы, желая продумать дальнейшие ходы. Каково же было его удивление, когда он увидел, что положение фигур на доске изменилось: чёрный ферзь делал шах его белому королю! Тем временем Баэль, выйдя из кабинета проректора, вынул мобильник, намереваясь сделать кому-то важный звонок. Он провёл по экрану указательным пальцем левой руки, будто разрезав этим жестом изображение девушки с фиолетовыми волосами, и усмехнулся своим мыслям.

***

Александра проснулась от щекочущего ноздри запаха еды. Это Юрий, специалист не только по жареным фактам, но и по жареным сосискам, уже успел состряпать нехитрый завтрак. Перекусив, вся компания отправилась осматривать окрестности.

При свете дня заброшенное село уже не казалось таким мрачным, как прошлой ночью. Александра даже отметила про себя, что это место овеяно каким-то особым очарованием, неким флёром старины, тайны, которая вот-вот раскроется. Казалось, что время здесь замерло, чтобы потечь вспять от лёгкого движения мысли.

– Кэ Ша, мы уходим! – позвала Александра, заметив, что кота нет рядом.

Мейн-кун белым вихрем вылетел из зарослей около дома Квасёны, яростно урча и сжимая в зубах нечто длинное и волочащееся за ним, как второй хвост.

– Что это у тебя?! – изумилась Александра, а кот положил ей под ноги этот трофей и сел рядом, умильно глядя на хозяйку, словно хотел подсказать ей что-то.

– Вот это да! – воскликнул Юрка, подхватив с земли принесенный мейн-куном «подарок».– Кого-то с руками оторвали! Вернее, с рукавами!

Действительно, кошачья находка была похожа на чей-то длинный белый полупрозрачный чешуйчатый рукав.

– Такого добра здесь навалом, – сказала Квасёна, лениво пожав плечами. – Обычный змеиный выползок. Змея старую кожу сбросила. Тут таких раньше много находили.

– Змея-переросток! – засмеялся Юрка, ещё больше растянув кожу (её размеры, и правда, впечатляли).

– Не та ли это «алая эфа» из записки? У тебя в рюкзаке случайно мангуста нет? – смеясь, шепнул он на ухо Александре, но его подруга не стала озвучивать свои предположения, просто смерила рыжую бестию долгим заинтересованным взглядом.

Змея? Что ж это вполне объясняло исчезновение Квасёны из дома прошедшей ночью: выползла в круглый лаз. Когда-то оборотни занимали мысли Александры в плане возможности

осуществления подобного преобразования с точки зрения физики: распад на кванты с последующим их соединением в новую форму. Жалко, что проверить эту гипотезу было невозможно, ведь подходящих оборотней не нашлось, а тут вдруг такая возможность! Не спугнуть бы! Что же касается указанной в записке «алой эфы», то таких видов, вроде бы, в природе не существует. Может, нотариус упомянул эфу не в прямом смысле этого слова?

– Мы же не змей пришли ловить! Вы что здесь увидеть хотели? – сухо сказала Квасёна.

– А бесхозных домов в селе нет? – спросила Александра, надеясь выведать всё об унаследованном сооружении.

– Так вы дом ищете? – хитро улыбаясь, спросила Квасёна.

– Да, там поблизости Змеиный камень должен быть, – назвала Александра указанный в завещании ориентир.

– А! Тогда нам через речку в лес надо! – Рыжая провожатая махнула рукой в сторону, где, по всей видимости, располагался этот элемент ландшафта.

Вскоре заброшенное село осталось позади, а вся компания углубилась в лес. Красота природы постепенно, как-то исподволь, располагала путников к созерцанию и вере в чудо. А вскоре занавес леса приоткрылся, показав, как сокровенную тайну, небольшую речку меж поросших рогозом берегов, которая несла свои медленные воды вдаль, словно на ту сторону времён. Точь-в-точь как во сне! Мостик, кстати, тоже был. Узкий и полуразваленный, он выглядел очень сомнительно и опасно.

– Река Поля! – сказала Квасёна. – Говорят, что она возникла от слёз змеиной царицы, полюбившей человека, да так и не вышедшей за него замуж.

– Как бы ни опутывала она его кольцами, как кожу эротично ни сбрасывала, всё равно убёг от неё парнишка! И то верно! У всех жёны как жёны: только после свадьбы змеищами становятся, а эта – сразу! Никакого кайфа! – хмыкнул Юрка, снискав недовольный взгляд Квасёны.

– Что ты смотришь так, будто она тебе родня! Уж и пошутить нельзя! – сказал он, притворно прикрывая глаза рукой.

Минут пятнадцать ушло на опасную переправу, зато на другом берегу путников встретил совсем другой мир. У Александры создалось впечатление, что по прогнившим доскам они сейчас шагнули в прошлое или, и того интереснее, в иное измерение. Оставалось только подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Ощущение постороннего присутствия, даже назойливой слежки, только усилилось, но заметить загадочного соглядатая по-прежнему не удавалось. Возможно, следовало запустить квадрокоптер с видеокамерой для тщательного осмотра окрестностей, но времени на это не было, да и наблюдение требовало спокойной обстановки, которую трудновато создать во время перехода по пересечённой местности.

Лес встретил путников недовольным шелестом, словно возражая против их вторжения. Издали казалось, что деревья растут очень густо, как в страшных сказках о Бабе Яге, но на самом деле сквозь частокол сосен и берёзок можно было легко рассмотреть окружающий ландшафт.

– Вон оно, капище! Наверное, и Змеиный камень там! – воскликнул Юрий, протянув руку в том направлении, где среди леса виднелись развевающиеся на ветру разноцветные ленточки, привязанные к ветвям, и первым побежал делать фотографии.

На поляне, куда они вышли, стояло несколько грубо вырубленных идолов неизвестных богов, а в яме лежал приличных размеров валун, на поверхности которого были отчётливо видны тёмно-алые отметины.

– Люди обряды творят – развлекаются, – пояснила Квасёна. – А до настоящего капища, где и лежит Змеиный камень, случайным посетителям не добраться! Тут специальные методы знать надо!

– Мы и есть самые неслучайные! – гордо заявил Юрка. – Ксаха – просто кладезь всяких методов!

Александра, основательно порывшись в своём рюкзаке, извлекла оттуда прибор для обнаружения скрытых объектов. Его она изготовила для работы в условиях погружения на глубину, опираясь на методы эхолокации. Идея приспособить этот прибор для поиска предметов на суше сработала просто блестяще. Вот и сейчас, подключив сухопутный эхолот к нетбуку, Александра «ощупала» окрестности, рассматривая полученные в результате анализа сигнала изображения. Конечно, было много помех, но на западе сигнал стабильно натыкался на препятствие, очертания которого … На что же они были похожи? Вот бы своими глазами всё увидеть, а не угадывать, что же там нашарил отражённый сигнал.

Александра вспомнила свой поход к нотариусу и указание в завещании: «обойти спиной против часовой стрелки». А что, если это и здесь сработает? Конечно, с точки зрения физики, смысла в этом мало, но ведь получалось же! Она развернулась и пошла в обход. Двигаться приходилось медленно, чтобы не рухнуть под какое-нибудь дерево и не удариться головой.

В первый раз на Пречистенке она ведь крутила в руке печать, которую кот отгрыз от свитка с завещанием. Что, если дело было в ней? Восковой кругляш снова коснулся ладони, и к обычным ощущениям прибавилось уже знакомое лёгкое головокружение. Надо будет узнать, что за странная сила в этом артефакте. Александра сделала полный круг без особой надежды на успех, как вдруг, казалось бы, на пустом месте, где только что ничего интересного не было видно, хотя сухопутный эхолот показывал наличие преграды, возник высокий сказочный терем. Стоял он весь в кружевах наличников, резных перегородок и причелин, словно нарочно принарядился, ожидая прихода гостей.

– Вот, кажется, и наследство моё! – задумчиво проговорила Александра, а потом позвала своих спутников: – Ну, сталкеры, я теремок нашла!

– Где? – недоверчиво спросил Юрка.

Он подошёл к Александре, но не видел ничего необычного, как и Квасёна, словно им кто-то глаза отводил. Кстати, хорошая форма защиты для секретных объектов, основанная, возможно, на оптической иллюзии.

– Да вот же! Смотрите! – воскликнула Александра, схватив журналиста и рыжую провожатую за руки.

Это прикосновение неожиданно возымело чудодейственный эффект.

– Вот это хоромина! – прошептал Юрий, не сводя глаз с внезапно открывшегося его взору терема.

Квасёна молчала, с улыбкой рассматривая дом. Может быть, что-то знала о нём?

– Давайте попробуем туда зайти! – предложил Юрий.

Держась за руки (иначе дом исчезал из виду для всех, кроме Александры), они подошли к наглухо закрытым дверям. Возможно, идея взять с собой и Квасёну была опрометчивым шагом, но Александра интуитивно ощущала, что их провожатая не случайно возникла в её жизни, а Юрий, увлечённый журналистским расследованием и погоней за сенсациями, и вовсе тянулся ко всяким странным личностям и любил попадать в разные оригинальные ситуации. Вот и теперь, заметив, что дамы немного растерялись, он изобразил замысловатый стук в дверь, достойный победы в конкурсе на знание Азбуки Морзе.

– Это я так к нашим будущим журналисткам в общаге стучу. Всегда срабатывает! – весело пояснил он. – Стучите, и отворят вам! А потом ещё и отварят чего-нибудь вкусного, если очень попросить.

За дверью кто-то тягостно вздохнул, но открывать не торопился. Юрий настойчиво повторил стук ещё раза три.

– Хозяйки дома нет! – нехотя произнёс после этого скорбный мужской голос, от которого становилось немного не по себе, потому что в нём звучали какие-то нечеловеческие хрипы и переливы.

– Так я и есть хозяйка! – собравшись с духом, сказала Александра и развернула «Свидетельство о праве на наследство», держа его напротив дверной щёлки, сквозь которую можно было разглядеть чей-то вытаращенный и воспалённый от напряжения глаз.

Некоторым из незваных гостей от волнения даже показалось, что это всевидящее око даже испускает тонкий алый луч, как лазерный прицел. За дверью кто-то завозился и запыхтел, как паровоз. Затем послышался звон ключей, и, наконец, дверь распахнулась, позволив увидеть нового собеседника. Это был довольно тощий и рослый мужчина, одетый в шикарную белую ливрею, вызывавшую у созерцавших это сильный когнитивный диссонанс на фоне русского народного терема. Мало того, ещё и волосы у встречающего стояли дыбом, как у грешника после Страшного суда, а брови, отличавшиеся повышенной лохматостью, были неприветливо сдвинуты к переносице.

– Разрешите представиться: Евпсихий – местный блюститель! – величаво и размеренно, словно английский лорд, произнёс он, смерив тяжёлым взглядом стоявшую у порога троицу так, словно брал каждого на прицел.

– Ну, мы с вами одной крови, гражданин, товарищ, блюститель! – заявил на это Юрий. – В смысле, есть мнение, что мы тоже психи и у нас коллективные галлюцинации.

– Да вы не слушайте его, уважаемый! – постаралась исправить положение Александра, заметив, что от эффектной Юркиной фразы блюститель начинает свирепеть. – Лучше позвольте нам войти! Мы устали, и мне нотариус сказал, что только вы можете раскрыть все тайны моего наследства.

Услышав это и окинув опасливым взглядом окрестности, Блюститель кивнул и пошёл в дом, словно приглашая всех за собой. Причём на Квасёну он почему-то зыркнул с долей неприязни, хотя, возможно, Юрию и Александре это показалось. Заходить в неизвестный дом, охраняемый мрачным служителем с вычурным именем и странной внешностью, мог себе позволить действительно только форменный псих, но на кону была сногсшибательная статья, да и рыжая бестия уже прошла за дверь, поэтому Юрий никак не мог отступить и отправился следом за ней.

Александра задержалась на пороге, чтобы ещё раз осмотреться по сторонам. Ощущение постороннего присутствия, слежки не оставляло её ни на миг в этом лесу, но почему же она не видела тайного преследователя? Может, всё-таки показалось? Думая так, она машинально подбрасывала на ладони восковую печать, отгрызенную котом от завещания. В один прекрасный момент кругляш с оттисками на реверсе и странным символом на аверсе неожиданно сам вырвался из её руки и полетел вниз. Александра не успела его поймать, и печать с неожиданным грохотом ударилась о доски, а следом за ней сверху, будто из воздуха (хотя логичнее было бы предположить, что с крыши), рухнуло нечто гораздо более массивное и тяжёлое, чуть не проломив собой пол. Александра даже подпрыгнула от неожиданности.

– Сенька?! – ошарашенно воскликнула она в следующий миг, узнав в упавшем своего давнего знакомого.

Получается, это он следил за ней и забрался на крышу? Но для чего? И как смог увидеть дом? Да и крыша высоко, так запросто не залезешь! Как-то всё нелогично! Сенька молчал, закусив губу: кажется, при падении он серьёзно повредил ногу, а то и что посерьёзнее. И вообще он был сам на себя не похож: одежда изорвана, волосы в беспорядке и взъерошены так, что создавалась иллюзия торчащих рожек.

– Оп-па! – воскликнул подоспевший Юрий, выходя из-за спины Александры. – Это кто тут у нас вертится, как бес перед заутреней?!

– Да какой там бес?! Так, скромный чертольеро! – саркастически ухмыляясь, проворчал Сенька, лихорадочно шаря рукой по полу, словно пытался нащупать там что-то очень ценное и невидимое для него.

Александра в это время как раз заметила печать, закатившуюся в угол крыльца, и потянулась за ней, случайно столкнувшись лбом с Сенькой, тоже, как на грех, рванувшимся туда.

– Ой! Извини! – пробормотала она, от волнения ковыряя печать ногтем в месте того самого странного символа, который ранее так привлёк её внимание.

Сенька буквально взвыл от боли, хватаясь то за колено, то за левый бок, то за поясницу. Уж не переломы ли у него от падения?

– Надо отнести его в дом! – решительно сказала Александра, уложив печать в карман. – Юрка, помоги!

– Ты сначала выясни, что этот мил человек тут забыл! Может, его гнать надо в три шеи? – резонно заметил тот, но Александра была непреклонна, чувствуя себя виноватой в злоключениях ловеласа-путешественника: повреждение ноги и внутренних органов было под вопросом, а вот крупная шишка на лбу – точно её работа.

В результате, Юрий помог демонстративно стонущему Сеньке подняться и, закинув его руку себе на шею, почти занёс в терем, насвистывая себе под нос: «Ох, вы, сени, мои сени, сени новые мои…»

– Чувствую, ты глаз на Ксаху положил? – проворчал Юрий, когда Александра прошла вперёд и не могла их услышать.

О Сенькиных подвигах не знал только ленивый, не говоря уже о журналисте, который нисколько не осуждал этого парня и даже с интересом наблюдал за ним, пока дело не коснулось человека, к которому сам Юрий прикипел душой с детства, как к родной сестре.

– Ну, а если и так, то что?! – с вызовом спросил «скромный чертольеро».

– Не по Сеньке шапка! – ядовито заметил Юрий.

– Поглядим! – спокойно возразил Сенька, которого, кажется, забавлял этот разговор.

– А я тебе говорю: отстань от неё, а то глядеть нечем будет! Понял?! – сурово сказал Юрка.

По всему было видно, что он не шутит. Для Сеньки это воззвание сработало как призыв к действию, возымев прямо противоположный эффект. Скоротав таким образом переход через тёмные сени, путешественники оказались в просторной горнице. Резной сводчатый потолок плавно переходил в стены с узорами редкой красоты. Александра и Квасёна уже сидели на широких лавках, а Кэ Ша царственно возлежал на полосатом коврике, покрывавшем сундук, во все глаза глядя на блюстителя. Юрий присоединился к ним, бесцеремонно свалив Сеньку в угол, как ненужный хлам.

ГЛАВА III. О мече-кладенце и вредном лице

Евпсихий с повышенным вниманием раз двадцать перечитал «Свидетельство о праве на наследство», а потом даже попробовал его на зуб (кстати, зубы у него были кривые и длинные, как у дракона, – прямо-таки находка для стоматолога).

– Ну-с, раз так,– констатировал он, удостоверившись в подлинности документа и правах Александры на дом, – начнём по форме!

Евпсихий щёлкнул пальцами, мгновенно сменив наряд на русскую народную рубаху с поясом и даже отрастив бороду для пущей важности. Вот это талант! Сам Копперфильд, как говорится, рядом не лежал!

– Ох, ты, гой еси, красна девица! – выдал блюститель со всей серьёзностью, кажется, выполняя какой-то важный ритуал.

– Фиолетова! – неожиданно поправил его Сенька, нарушив всю стройность повествования.

– Что?! – осёкся Евпсихий, с удивлением взглянув на «чертольеро».

– Я говорю: девица фиолетовая – вон, волосы какие! – пояснил Сенька. – Хотя при желании и определённом умении её можно и в краску вогнать, тогда будет красная!

– Вы бы помолчали! – строго сказал блюститель, ещё больше нахмурив брови. – С мысли сбиваете! Так на чём я…

Он почесал затылок, растерянно глядя себе под ноги, словно там могли отыскаться нужные мысли, сбитые Сенькиным замечанием, как «мессершмитты» во времена Великой Отечественной войны.

– Нам надо провести ритуал с глазу на глаз! Поднимемся наверх, а ваши спутники пусть подождут здесь! – взмолился блюститель в следующий миг.

– Я против! – возразил Юрка.

– Почему?! – удивился Евпсихий.

– Потому что индивиды с таким именем, как у вас, как минимум вызывают опасения! – пояснил Солёный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.